

Голсуорси Джон

Правосудие

Джон Голсуорси

Правосудие

Трагедия в четырех действиях

Перевод Н. Семевской и Д. Горфинкеля

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джеймс Хау | юристы, владельцы

} адвокатской

Уолтер Хау, его сын | конторы.

Роберт Коксон, старший клерк.

Уильям Фолдер, младший клерк.

Суидл, мальчик-рассыльный.

Уистер, сыщик.

Каули, кассир банка.

Мистер Флloyd, судья.

Гарольд Кливер, старый юрист, прокурор.

Гектор Фром, молодой юрист, защитник.

Капитан Данеон, кавалер ордена Виктории, начальник тюрьмы.

Преподобный Хью Миллер, тюремный священник.

Эдвард Клементс, тюремный врач.

Вудер, старший тюремный надзиратель.

Моуни |

Клинтон } заключенные.

О'Клири |

Руфь Ханиуил, молодая женщина.

Адвокаты и стряпчие, зрители и приставы, репортеры,
присяжные заседатели,

тюремные надзиратели, заключенные.

Время - начало XX века.

Действие первое. - Контора Джеймса и Уолтера Хау. Июльское
утро.

Действие второе, - Зал суда. После полудня. Октябрь.

Действие третье. - Тюрьма. Декабрь. Сцена 1. - Канцелярия начальника тюрьмы. Сцена 2. - Коридор. Сцена 3. - Камера.

Действие четвертое. - Контора Джеймса и Уолтера Хау. Утро. Март, два года спустя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Июльское утро. Кабинет старшего клерка в конторе Джеймса и Уолтера Хау, обставленный старомодной, выдавшей виды мебелью красного дерева с потертой кожаной обивкой. По стенам ящики картотеки и планы земельных участков. Три двери. Две из них - рядом, в задней стене. Одна из этих двух дверей ведет в приемную, отделенную от кабинета старшего клерка только деревянной перегородкой с застекленной верхней частью. Когда дверь в приемную открыта, можно видеть широкую входную дверь, ведущую на каменную лестницу. Другая дверь, в центре сцены, ведет в кабинет младших клерков. Третья дверь - в кабинет владельцев фирмы. Старший клерк Коксон сидит за столом, складывая столбцы цифр в счетной книге и бормоча про себя. Это человек шестидесяти лет, в очках, приземистый, лысый, с честным лицом, напоминающим мопса. Он

одет в сильно поношенный сюртук и коричневатые в крапинку брюки.

Коксон. И пять - будет двенадцать, и три - пятнадцать, девятнадцать, двадцать три, тридцать два, сорок один. Четыре в уме. (Делает отметку на странице и продолжает бормотать.) Пять, семь, двенадцать, семнадцать, двадцать четыре и девять - да четыре в уме. (Опять делает отметку.)

Дверь из приемной открывается, появляется Суидл, мальчик-рассыльный, и закрывает за собой дверь. Это бледный шестнадцатилетний подросток со

взъерошенными волосами.

(Сердито и выжидательно.) Четыре в уме.

Суидл. Там спрашивают Фолдера, мистер Коксон.

Коксон. Пять, девять, шестнадцать, двадцать один, двадцать девять. Два в уме. Пусть обратятся к Моррису. Как фамилия?

Суидл. Ханиуил.

Коксон. А по какому он делу?

Суидл. Это женщина.

Коксон. Дама?

Суидл. Нет, просто женщина.

Коксон. Проси ее сюда. Отнеси ату книгу мистеру Джеймсу.
(Закрывает книгу.)

Суидл (открывая дверь в приемную). Будьте любезны, войдите.

Входит Руфь Ханиуил. Высокая женщина двадцати шести лет, скромно одетая. У нее черные глаза и волосы, правильные черты, матово-бледное лицо. Она стоит не шевелясь. В ее позе непринужденное благородство. Суидл со счетной книгой в руках уходит в кабинет владельцев фирмы.

Коксон (оглядываясь на Руфь). Молодого человека сейчас нет.
(Подозрительно.) Изложите, пожалуйста, ваше дело.

Руфь (говорит деловитым тоном). Это личное дело, сэр.

Коксон. Мы не позволяем своим служащим принимать здесь знакомых. Может быть, вы оставите ему записку?

Руфь. Я бы хотела видеть его самого, если можно. (Прищурив темные глаза, бросает на Коксона чуть кокетливый взгляд.)

Коксон (преисполнившись начальственной важности). Это совершенно против правил. Что, если бы я стал принимать здесь своих знакомых! Это никуда не годится.

Руфь. Конечно, сэр.

Коксон (несколько озадаченный). Вот именно. А вы хотите видеть младшего клерка!

Руфь. Да, сэр. Мне необходимо видеть его.

Коксон (поворачивается на табуретке лицом к Руфи с негодованием, но и с любопытством). Но ведь здесь юридическая контора! Идите к нему домой.

Руфь. Его нет дома.

Коксон (растерянно). Вы его родственница?

Руфь. Нет, сэр.

Коксон (в полном замешательстве). Не знаю, что вам и сказать!
Конторы все это не касается.

Руфь. Но что же мне делать?

Коксон. Боже мой! Почему я знаю!

Возвращается Суидл. Проходит через сцену в приемную, бросив на Коксона лукавый взгляд. Осторожно прикрывает за собой дверь с таким расчетом, чтобы

осталась небольшая щелка.

(Взгляд Суидла придал ему решимость.) Знаете ли, это не годится, это никуда не годится! Вдруг войдет кто-нибудь из хозяев.

С лестницы через приемную доносятся возня и смешки.

Суидл (просовывая голову в дверь). Там на лестнице какие-то ребяташки.

Руфь. Это мои дети.

Суидл. Утихомирить их?

Руфь. Они совсем маленькие, сэр. (Подходит на шаг ближе к Коксону.)

Коксон. Нельзя отнимать у него служебное время. Нам и так не хватает одного клерка.

Руфь. Это вопрос жизни и смерти.

Коксон (с новым приливом негодования). Жизни и смерти?!

Суидл. Фолдер пришел!

Из приемной входит Фолдер. Это бледный красивый молодой человек с бегаящими, испуганными глазами. Он подходит к двери в комнату клерков и останавливается в нерешительности.

Коксон. Ну, так и быть, поговорите минуту, хотя это совершенно против правил. (Взяв пачку бумаг, уходит в кабинет владельцев фирмы.)

Руфь (торопливо, тихим голосом). Он опять запил, Уил. Этой ночью чуть меня не зарезал. Я ушла с детьми, пока он не проснулся. Пошла прямо к тебе...

Фолдер. Я переменил квартиру.

Руфь. К сегодняшнему вечеру все готово?

Фолдер. Я взял билеты. Встретимся в одиннадцать сорок пять на вокзале у кассы. И ради бога не забудь, что мы муж и жена! (Смотрит на нее трагически-напряженно.) Руфь!

Руфь. Ты не боишься уехать, правда?

Фолдер. А ты забрала все вещи, свои и детей?

Руфь. Все пришлось оставить - я боялась разбудить Ханиуила. Унесла только один чемодан. А теперь я и близко к дому не могу подойти.

Фолдер (хмурясь). Сколько денег ушло зря!.. Много ли тебе нужно еще?

Руфь. Шесть фунтов. Я думаю, этого хватит.

Фолдер. Смотри, не проговорись, куда мы едем. (Про себя.) Там я все забуду.

Руфь. Если ты раскаиваешься, скажи. Пусть лучше он меня убьет, чем мне навязываться тебе.

Фолдер (со странной улыбкой). Нам нельзя оставаться здесь. Будь что будет, зато теперь ты моя.

Руфь. Ты только скажи, еще не поздно!

Фолдер. Уже поздно. Вот семь фунтов. Значит, у кассы, в одиннадцать сорок пять. Если бы ты, Руфь, не была так дорога мне!

Руфь. Поцелуй меня!

Они страстно обнимаются и затем отскакивают друг от друга, так как возвращается Коксон. Руфь поворачивается и уходит через приемную, Коксон

решительно направляется к своему столу и усаживается.

Коксон. Нехорошо, Фолдер!

Фолдер. Больше этого не повторится, сэр.

Коксон. В конторе это не полагается!

Фолдер. Да, сэр.

Коксон. Поймите меня: посетительница была расстроена, с ней были дети, и я позволил моим чувствам... (Открывает ящик стола и достает оттуда брошюру.) Возьмите-ка это: "Чистота семейного очага". Отлично написано!

Фолдер (с каким-то странным выражением лица берет брошюру). Благодарю вас, сэр.

Коксон. И вот что, Фолдер, пока еще не пришел мистер Уолтер: вы кончили ведомость, которую составлял Дэвис перед отъездом?

Фолдер. К завтрашнему дню я разделаюсь с ней окончательно!

Коксон. Уже неделя, как Дэвис уехал. Нехорошо, Фолдер! Ради личной жизни вы запускаете работу. Я, так и быть, не стану упоминать о посетительнице, но...

Фолдер (уходя в свою комнату). Благодарю вас, сэр.

Коксон удивленно смотрит на дверь, за которой скрылся Фолдер, затем качает головой и только берет за перо, как из приемной входит Уолтер Хау. Это интеллигентного вида человек, лет тридцати пяти. Голос у него приятный,

манера говорить вежливая, даже слегка извиняющаяся.

Уолтер. Доброе утро, Коксон!

Коксон. Доброе утро, мистер Уолтер!

Уолтер. Отец у себя?

Коксон (он все время говорит с Уолтером несколько покровительственным тоном, как с молодым человеком, который мог бы уже достигнуть в жизни большего). Мистер Джеймс здесь с одиннадцати часов.

Уолтер. Я был на выставке картин в Гилдхолле!

Коксон (глядит на него так, словно иного от Уолтера ждать и не приходится). Вот как!.. Д-да... Как насчет этого арендного договора Баултера: отсылать его консультанту или нет?

Уолтер. Что говорит по этому поводу отец?

Коксон. Я не беспокоил его.

Уолтер. Лишняя предосторожность не повредит.

Коксон. Это же такое пустячное дело: едва ли покроет расходы. Я думал, что вы сами могли бы вести его.

Уолтер. Пожалуйста, пошлите договор консультанту. Я не хочу брать на себя ответственность.

Коксон (с выражением неопишуемой жалости). Как вам угодно. А вот еще дело о праве свободного проезда. У нас уже подготовлены акты.

Уолтер. Я знаю. Но там, видимо, предполагали выделить участок общинной земли.

Коксон. Нам незачем беспокоиться об этом. Закон на нашей стороне.

Уолтер. Не нравится мне это.

Коксон (снисходительно улыбаясь). Мы же не захотим идти против закона! Ваш отец не стал бы терять время на такие вещи.

Пока он говорит, из кабинета выходит Джеймс Хау. Он невысокого роста, с белоснежными бачками, густой седой шевелюрой, пронцательными глазами и в золотом пенсне.

Джеймс. Доброе утро, Уолтер.

Уолтер. Здравствуй, отец.

Коксон (презрительно глядя на бумаги, которые он держит в руке, словно не одобряя их пространности). Я сейчас отнесу договор Баултера Фолдеру: пусть составит опись. (Уходит в комнату Фолдера.)

Уолтер. Как быть с этим делом о праве свободного проезда?

Джеймс. А! Там мы будем действовать без поблажек. Кажется, ты говорил мне вчера, что сальдо нашей фирмы превышает четыреста фунтов.

Уолтер. Так оно и есть.

Джеймс (протягивая сыну счетную книгу). Три, пять, один. Новых чеков нет. Достань-ка чековую книжку.

Уолтер идет к шкафу, отпирает ящик и достает чековую книжку.

Отмечай суммы на корешках. Пять, пятьдесят четыре, семь, пять, двадцать восемь, двадцать, восемьдесят, одиннадцать, пятьдесят два, семьдесят один. Сходится?

Уолтер (качая головой). Не Могу понять. Я считал, и было больше четырехсот фунтов.

Джеймс. Дай мне чековую книжку. (Берет чековую книжку и внимательно рассматривает корешки.) Что это за восемьдесят фунтов?

Уолтер. Кто выписал чек?

Джеймс. Ты.

Уолтер (беря чековую книжку). Седьмое июля? В этот день я ездил осматривать поместье Трентона, это было в пятницу, на позапрошлой неделе. Я вернулся во вторник, помнишь? Но послушай, отец, я выписал чек на восемь фунтов. Пять гиней надо было отдать Смизерсу, остальное - на мои расходы. Все деньги как раз и ушли, даже не хватило полкроны.

Джеймс (озабоченно). Дай-ка посмотреть на этот чек. (Вынимает пачку чеков из кармашка счетной книги, перебирает их.) Кажется, все правильно. Нет только чека на восемь фунтов. Это скверно. Кто получал по нему деньги?

Уолтер (озадачен и огорчен). Дай подумать. Я дописывал завещание миссис Редди, у меня едва хватило на это времени. Да, я дал чек Коксону.

Джеймс. Посмотри на конец слова - "десять". Это ты писал?

Уолтер (после некоторого раздумья). Я пишу "д" с небольшим завитком, а тут его нет.

Джеймс (видя, что Коксон выходит из комнаты Фолдера). Надо спросить у него. Подойдите сюда, Коксон, и напрягите немножко свою память. В пятницу, на позапрошлой неделе, вы получали по чеку для мистера Уолтера? Это было в тот день, когда он ездил к Трентону.

Коксон. Д-да. Восемь фунтов.

Джеймс. Взгляните-ка. (Протягивает ему чек.)

Коксон. Нет! Тот чек был на восемь фунтов. Мне как раз принесли завтрак, и, понятно, я хотел съесть его, пока он не остыл. Я дал чек Дэвису и велел ему сбежать в банк. Он принес всю сумму в банкнотах, помните, мистер Уолтер? Вам еще нужна была мелочь, чтобы заплатить за кэб. (С ноткой снисходительности.) Ну-ка дайте мне посмотреть. Наверно, не тот чек! (Берет чековую книжку у Уолтера.)

Уолтер. Боюсь, что тот самый.

Коксон (убедившись лично). Странно!

Джеймс. Вы дали чек Дэвису, а Дэвис в понедельник отплыл в Австралию. Скверное дело, Коксон!

Коксон (недоумевающий и взволнованный). Ведь это же был бы подлог! Нет, нет, тут какая-то ошибка!

Джеймс. Надеюсь!

Коксон. За двадцать девять лет, что я служу в конторе, у нас не случилось ничего подобного.

Джеймс (рассматривая чек и корешок). Чистая работа! Это урок тебе, Уолтер, не оставлять свободного места после суммы,

Уолтер (с досадой). Да, я знаю, но я страшно торопился в тот день.

Коксон (внезапно). Я расстроен.

Джеймс. Корешок тоже подделан. Хорошо обдуманное мошенничество. На каком пароходе отплыл Дэвис?

Уолтер. "Сити оф Рангун".

Джеймс. Надо будет телеграфировать в Неаполь, чтобы Дэвиса арестовали, он еще не мог добраться туда.

Коксон. Жаль его молодую жену! Да и его самого я любил: такой славный юноша. Боже мой, боже мой! У нас в конторе!

Уолтер. Может быть, мне сходить в банк и расспросить кассира?

Джеймс (мрачно). Приведи его сюда. И позвони в полицию.

Уолтер. Даже так?! (Уходит через приемную.)

Джеймс шагает взад и вперед по комнате. Потом останавливается и смотрит на

Коксона, который огорченно трет себе колени.

Джеймс. Ну, Коксон, доброе имя что-нибудь да значит, а?

Коксон (глядя на него поверх очков). Я не совсем понимаю вас, сэр.

Джеймс. Ваш рассказ показался бы чертовски подозрительным всякому, кто недостаточно хорошо вас знает.

Коксон. Д-да! (Смеется. Затем с внезапной серьезностью.) Мне жаль юношу. У меня такое чувство, точно это мой родной сын, мистер Джеймс!

Джеймс. Скверная история.

Коксон. Как тут не расстроиться! Все идет по заведенному, и вдруг случается такая вещь. Мне сегодня кусок в горло не полезет!

Джеймс. Стоит ли так волноваться, Коксон?

Коксон. Тут задумаешься. (Доверительно.) Наверное, он подвергся искушению.

Джеймс. Не торопитесь. Мы еще не уличили его.

Коксон. Я бы отдал свое месячное жалованье, сэр, чтобы только этого не было. (Задумывается.)

Джеймс. Надеюсь, кассир не заставит себя ждать.

Коксон (заступаясь за кассира). Тут всего полквартила, мистер Джеймс. Он будет здесь через минуту.

Джеймс. Подумать только! Такой бесчестный поступок в нашей конторе!.. Это для меня тяжелый удар, Коксон! (Идет по направлению к двери в кабинет.)

Суидл (тихо входит и шепотом говорит Коксону). Опять ее сюда принесло, сэр. Забыла сказать что-то Фолдеру.

Коксон (пробудившись от своей задумчивости). А? Нельзя! Пусть уходит!

Джеймс. Что там?

Коксон. Ничего, мистер Джеймс, частное дело. погоди, я пойду сам. (Выходит в приемную, в то время как Джеймс удаляется в кабинет.) Ну, право же, так нельзя! Мы никого сейчас не можем принять.

Руфь. Даже на одну минутку, сэр?

Коксон. Нельзя, нельзя, я не могу этого позволить! Если он вам нужен, подождите на улице. Он сейчас пойдет завтракать.

Руфь. Хорошо, сэр.

Уолтер и кассир входят и встречаются с Руфью, когда она выходит из приемной.

Коксон (кассиру, который похож на отставного драгуна). Доброе утро. (Уолтеру.) Ваш отец у себя.

Уолтер направляется в кабинет владельцев фирмы.

Скверное, неприятное дело, хотя, в сущности, пустяк, мистер Каули. Мне, право, совестно, что мы побеспокоили вас.

Каули. Я очень хорошо помню этот чек. (С кислым выражением лица.) Он казался в полном порядке.

Коксон. Присядьте, пожалуйста! Вообще я человек спокойный, но такое происшествие здесь, у нас в конторе!.. Неприятно! Я люблю, чтобы между людьми все шло честно и открыто.

Каули. Совершенно правильно.

Коксон (беря его за пуговицу и бросая быстрый взгляд в сторону кабинета). Конечно, мистер Уолтер еще очень молод. Сколько раз я ему говорил, чтобы он не оставлял свободного места после суммы, но он делает по-своему.

Каули. Я легко узнаю того, кто получал по чеку, - совсем мальчишка.

Коксон. Собственно говоря, мы навряд ли можем показать его вам сейчас.

Джеймс и Уолтер выходят из кабинета.

Джеймс. Доброе утро, мистер Каули. Вы уже видели моего сына и меня самого, видели мистера Коксона, а также Суидла, конторского мальчика. Получателем по чеку не был никто из нас, не так ли?

Кассир с улыбкой отрицательно качает головой.

Будьте любезны сесть вот сюда, Коксон, займите, пожалуйста, мистера Каули разговором! (Подходит к двери Фолдера.)

Коксон. Можно вас на два слова, мистер Джеймс!

Джеймс. Слушаю вас.

Коксон. Может быть, не стоит напрасно волновать молодого человека? Он такой нервный.

Джеймс. Все это надо выяснить как следует, Коксон, ради доброго имени Фолдера, не говоря уж о вашем собственном.

Коксон (с достоинством). Мое имя само за себя постоит, сэр. А у молодого человека уже были неприятности этим утром. Мне не хотелось бы, чтобы его опять волновали.

Джеймс. Это простая формальность. Но всякая чрезмерная деликатность неуместна, когда речь идет о таком деле, - оно слишком

серьезно. Поговорите пока с мистером Каули. (Открывает дверь в комнату Фолдера.)

Джеймс. Фолдер, принесите, пожалуйста, бумаги по делу Баултера.

Коксон (выпаливает). Вы держите собак?

Кассир устремил глаза на дверь и не отвечает.

Нет ли у вас щенка-бульдога, которого вы могли бы мне уступить?

Выражение лица у его собеседника такое, что он не договаривает, остается с открытым ртом и оборачивается: на пороге стоит Фолдер. Глаза его прикованы к

кассиру, как глаза кролика - к удаву.

Фолдер (выступая вперед с бумагами). Вот они, сэр.

Джеймс (беря бумаги). Благодарю вас.

Фолдер. Я вам нужен, сэр?

Джеймс. Нет, благодарю.

Фолдер поворачивается и уходит в свою комнату. Когда дверь за ним закрывается, Джеймс бросает на кассира вопросительный взгляд. Кассир кивает.

Неужели? Мы подозревали совсем другого.

Каули. Он самый! Он узнал меня. Надеюсь, он не может ускользнуть из своей комнаты?

Коксон (мрачно). Только через окно - целый этаж, не считая полуподвального.

Дверь из комнаты Фолдера тихо открывается, и он со шляпой в руке

направляется к двери в приемную.

Джеймс (спокойно). Куда вы, Фолдер?

Фолдер. Завтракать, сэр.

Джеймс. Пожалуйста, подождите несколько минут. Мне надо поговорить с вами о договоре.

Фолдер. Слушаю, сэр. (Возвращается в свою комнату.)

Каули. Если нужно, я могу присягнуть, что этот молодой человек и получил по чеку. Это был последний чек, по которому я уплатил в то утро перед завтраком. Вот номера выданных банкнот; я записал их. (Кладет на стол листок бумаги. Отряхивает шляпу.) До свидания.

Джеймс. До свидания, мистер Каули!

Каули (Коксону). До свидания!

Коксон (в оцепенении). До свидания!

Кассир выходит через дверь в приемную. Коксон садится на свое место, точно это единственный оставшийся островок среди трясины одолевающих его чувств.

Уолтер. Что ты собираешься делать?

Джеймс. Уличить его. Дай мне чек и корешок.

Коксон. Я не понимаю. Я думал, юный Дэвис...

Джеймс. Увидим.

Уолтер. Одну минуту, отец! Ты все обдумал?

Джеймс. Позовите его!

Коксон (с трудом вставая и открывая дверь в комнату Фолдера; говорит хриплым голосом). Подите сюда!

Фолдер входит.

Фолдер (без всякого выражения). Да, сэр?

Джеймс (внезапно оборачивается к нему, протягивает чек). Вам известен этот чек, Фолдер?

Фолдер. Нет, сэр.

Джеймс. Посмотрите на него. Вы получили по нему в пятницу на позапрошлой неделе.

Фолдер. А! Да, сэр, это чек, который дал мне Дэвис.

Джеймс. Я знаю. А вы дали Дэвису деньги?

Фолдер. Да, сэр.

Джеймс. Когда Дэвис передал вам этот чек, он выглядел точно так же?

Фолдер. Кажется, да, сэр.

Джеймс. Вам известно, что мистер Уолтер выписал чек на восемь фунтов?

Фолдер. Нет, сэр, на восемьдесят.

Джеймс. На восемь, Фолдер.

Фолдер (слабым голосом). Я не понимаю, сэр.

Джеймс. Я хочу сказать, что чек подделан; вопрос - вами или Дэвисом.

Фолдер. Я... я...

Коксон. Не торопитесь, не торопитесь!

Фолдер (вновь принимая свой прежний бесстрастный тон). Не мною, сэр.

Джеймс. Мистер Уолтер передал чек Коксону в час дня, мы знаем это потому, что Коксону как раз принесли завтрак.

Коксон. Я же не мог бросить его.

Джеймс. Конечно. Поэтому Коксон передал чек Дэвису. Вы получили по чеку в час пятнадцать. Мы знаем это от кассира. Он помнит, что это был последний чек, по которому он уплатил перед своим завтраком.

Фолдер. Да, сэр, Дэвис передал чек мне, потому что его друзья давали в его честь прощальный завтрак.

Джеймс (в недоумении). Значит, вы обвиняете Дэвиса?

Фолдер. Не знаю, сэр, все это очень странно.

Уолтер подходит к отцу и что-то говорит ему на ухо.

Джеймс. Дэвис не был в конторе с позапрошлой субботы?

Коксон (всей душой желая помочь молодому человеку и видя слабый проблеск надежды, что все еще уладится). Нет, он отплыл в понедельник.

Джеймс. Был он здесь после субботы, Фолдер?

Фолдер (очень слабым голосом). Нет, сэр.

Джеймс. Очень хорошо. Как же вы объясните тот факт, что на корешке ноль был добавлен к восьмерке не раньше вторника?

Коксон (удивленно). Как так?

Фолдер пошатнулся. Пытается снова овладеть собой, но он совсем раздавлен.

Джеймс (очень сурово). Боюсь, что этим все сказано, Коксон. Чековая книжка была в кармане мистера Уолтера, пока он не вернулся от Трентона во вторник утром. Перед лицом всех этих фактов, Фолдер, вы все еще отрицаете, что подделали и чек и корешок?

Фолдер. Нет, сэр, нет, мистер Хау! Это я, сэр, это я сделал!

Коксон (давая волю своим чувствам). Боже мой, боже мой, сделать такую вещь!

Фолдер. Мне так нужны были деньги, сэр! Я не соображал, что делаю.

Коксон. Ну как это могло вам прийти в голову?

Фолдер (цепляясь за эти слова). Я сам не знаю, сэр, право же, это была минута безумия.

Джеймс. Долгая минута, Фолдер! (Постукивает пальцем по корешку чека). Она длилась не меньше четырех дней.

Фолдер. Сэр, клянусь, я только потом понял, что я наделал. А тогда у меня не хватило смелости признаться. О сэр, пощадите меня, я верну деньги, обязательно верну, даю вам слово!

Джеймс. Идите в свою комнату.

Фолдер, бросив на него быстрый умоляющий взгляд, уходит в свою комнату. Все

молчат.

Хуже ничего и не придумаешь.

Коксон. Совершить такое преступление! И где! У нас в конторе!

Уолтер. Что нам делать?

Джеймс. Тут думать нечего. Передадим дело полиции.

Уолтер. Это его первый проступок.

Джеймс (качая головой). Я в этом очень сомневаюсь. Слишком ловкая подделка.

Коксон. Я бы не удивился, если бы оказалось, что он подвергся искушению.

Джеймс. Жизнь - одно сплошное искушение. Коксон.

Коксон. Д-да, но я говорю об искушении плоти дьяволом, мистер Джеймс. Этим утром к нему приходила женщина.

Уолтер. Та женщина, с которой мы встретились, когда пришли сюда с кассиром? Это его жена?

Коксон. Нет, и не родственница. (Хотел подмигнуть, как сделал бы при более веселых обстоятельствах, но сдерживается.) Замужняя особа.

Уолтер. Откуда вы знаете?

Коксон. Она привела с собой детей. (Смутился.) Но они не входили в контору.

Джеймс. Пропавший человек!..

Уолтер. Хотелось бы дать ему возможность загладить свою вину.

Джеймс. Нет, я ему этого не прощу. Уж слишком подло он себя вел. Ведь он рассчитывал, что в случае обнаружения подделки подозрение падет на молодого Дэвиса. Это же чистейшая случайность, что чековая книжка осталась у тебя в кармане.

Уолтер. Несомненно, он поддался минутному искушению. У него не было времени подумать.

Джеймс. Если у человека чистые мысли и привычки, он ни с того ни с сего не поддается искушению. А это растленный юнец. У него и

глаза человека, который при виде денег так и тянется к ним.

Уолтер (сухо). Раньше мы этою не замечали.

Джеймс (игнорируя его замечание). Видал я таких на своем веку. Единственный способ уберечь их от новых проступков - это упрятать подальше. Они безнадежны.

Уолтер. Его пошлют на каторгу.

Коксон. Тюрьма - прескверное место.

Джеймс (колеблясь). Я не вижу, как можно пощадить его. О том, чтобы он остался в конторе, не может быть и речи. Честность - это наше *sine qua non* { (Conditio) *sine qua non* (лат.) - неперемное условие. }.

Коксон (загипнотизированный этими словами). Да, конечно!

Джеймс. Равным образом невозможно предоставить ему свободно общаться с людьми, которые ничего о нем не знают. Мы должны думать о благе общества.

Уолтер. Но зачем же позорить его перед всеми?

Джеймс. Если бы это была случайная провинность, я дал бы ему возможность загладить ее. Но тут совсем другое дело. Он человек с порочными наклонностями.

Коксон. Я бы этого не сказал, тут есть смягчающие обстоятельства.

Джеймс. Все равно. Он самым хладнокровным образом обманул своих хозяев и бросил тень на невинного человека. Если не дать законный ход даже такому делу, то я не знаю, чем же должны заниматься суды.

Уолтер. А все-таки, ради его будущего...

Джеймс (насмешливо). Тебя послушать, так никого не следует отдавать под суд.

Уолтер (уязвленный). Мне претит сама мысль об этом.

Коксон. Защита закона нам необходима.

Джеймс. Все это переходит в пустую болтовню. (Направляется к двери в кабинет.)

Уолтер. Отец, поставь себя на его место.

Джеймс. Ты слишком многого от меня требуешь!

Уолтер. Мы же не знаем, какие обстоятельства давили на него.

Джеймс. Можешь быть уверен, мой милый, если человек способен на такую вещь, он ее сделает, давят! или не давят на него

обстоятельства. Если он не способен на это, ничто его не заставит.

Уолтер. С ним это больше никогда не случится.

Коксон (безнадежно). Может быть, мне поговорить с ним? Зачем нам поступать так жестоко с молодым человеком?

Джеймс. Хватит, Коксон. Мое решение окончательное. (Уходит в кабинет.)

Коксон (после минутного колебания). Нужно понять и вашего отца. Я не хочу идти против него; если он так думает, значит, он прав.

Уолтер. Это черт знает что, Коксон! Почему вы меня не поддержали? Вы ведь сами чувствуете...

Коксон (с достоинством). Право, я не могу сказать, что я чувствую.

Уолтер. Мы все потом будем жалеть об этом.

Коксон. Он должен был понимать, что делает.

Уолтер (с горечью). "Нельзя цедить по капле милосердь" {Фраза из "Венецианского купца" Шекспира.}

Коксон (подозрительно глядя на него). Ну-ну, мистер Уолтер, надо же смотреть на дело разумно.

Суидл (входит с подносом). Ваш завтрак, сэр.

Коксон. Поставь!

В то время как Суидл ставит завтрак на стол Коксона, в приемную входит сыщик Уистер и, ничего там не обнаружив, идет к двери в комнату клерков. Это человек среднего роста, квадратный, чисто выбритый, в синем костюме из

плотной ткани и ботинках на толстой подошве.

Уистер (Уолтеру). Из Скотланд-ярда, сэр. Сыщик Уистер.

Уолтер (неодобрительно глядя на него). Хорошо. Я скажу отцу. (Уходит в кабинет хозяев фирмы.)

Оттуда выходит Джеймс.

Джеймс. Доброе утро. (В ответ на умоляющий жест Коксона.) Очень сожалею, я бы не возбуждал дела, если бы считал себя вправе. Откройте вон ту дверь.

Измученный и испуганный Суидл открывает дверь.

Идите сюда, мистер Фолдер!

Когда Фолдер, весь сжавшись, выходит из своей комнаты, сыщик по знаку Джеймса хватается за руку.

Фолдер (отшатываясь). О нет... нет!

Уистер. Ну, ну, не упирайся, будь умницей!

Джеймс. Я обвиняю его в уголовном преступлении.

Фолдер. О сэръ, я же брал не для себя... Я сделал это ради одной...
Отпустите меня только до завтра!

Джеймс делает движение рукой. Видя этот непреклонный жест, Фолдер застывает. Затем, повернувшись, послушно идет за сыщиком, который держит его за руку. Джеймс следует за ними, суровый, высоко держа голову. Суидл с открытым ртом кидается к двери, затем бежит за сыщиком и Фолдером в приемную и на площадку лестницы. Когда они исчезают, Коксон круто поворачивается и бросается в приемную.

Коксон (хриплым голосом). Пойдите! Пойдите! Что мы делаем?!

Молчание. Коксон достает платок, вытирает пот со лба. Неверной походкой идет

к столу, садится и невидящими глазами смотрит на свой завтрак.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Туманный октябрьский день; зал суда; он заполнен стряпчими, адвокатами, репортерами, приставами и присяжными заседателями. За внушительной перегородкой на скамье подсудимых сидит Фолдер, по обе стороны от него стражники, они совершенно невозмутимы и словно не замечают его присутствия. Фолдер сидит напротив судьи, который тоже как будто ничего не замечает и ко всему безразличен. Гарольд Кливер, обвинитель, пожилой худощавый человек с желтым лицом. Он в заношенном парике, почти не отличающемся по цвету от его лица. Гектор Фром, защитник, высокий молодой человек, чисто выбритый, в ярко-белом парике. Среди зрителей - уже давшие показания Джеймс и Уолтер Хау

и кассир Каули. Уистер, сыщик, покидает ложу свидетелей.

Кливер. На этом обвинение заканчивает допрос свидетелей, милорд. (Садится, подбирая мантию.)

Фром (вставая и кланяясь судье). Ваша милость, господа присяжные! Я не стану оспаривать тот факт, что подсудимый подделал чек, но я намерен представить вам доказательства, свидетельствующие о состоянии рассудка подсудимого, и убедить вас,

что было бы ошибочно думать, будто он мог отвечать за свои поступки в момент совершения преступления. Я намерен доказать вам, что он совершил это преступление в момент умственного помрачения, достигавшего степени временного помешательства и вызванного сильным потрясением. Джентльмены, подсудимому всего лишь двадцать три года. Я вызову сюда, в качестве свидетельницы, женщину, от которой вы узнаете о событиях, приведших его к преступному акту. Вы услышите из ее собственных уст о трагических обстоятельствах ее жизни и о еще более трагической любви, которую она внушила подсудимому. Эта женщина, джентльмены, влачила жалкое существование при муже, который обращался с ней самым ужасным образом и от которого она в конце концов ушла, опасаясь за свою жизнь. Конечно, я не скажу, что следует поощрять и хвалить человека, который влюбляется в замужнюю женщину. Я не скажу также, что он был обязан спасти ее от изверга-мужа. Ничего подобного я утверждать не стану. Но все мы знаем силу страсти, и я прошу вас, джентльмены, слушая ее показания, помнить, что связанная с вечно пьяным, грубым, как зверь, мужем, она не имела возможности избавиться от него; как вам известно, чтобы женщине добиться развода, побои мужа - недостаточное основание, нужно, чтоб он совершил более серьезное преступление, а в таковом ее муж, по-видимому, не виновен.

Судья. Относится ли это к делу, мистер Фром?

Фром. Безусловно, относится, милорд! И сейчас я постараюсь доказать это вашей милости.

Судья. Очень хорошо.

Фром. Какой же у нее оставался выход при сложившихся обстоятельствах? Она могла или продолжать жить с этим пьяницей, в постоянном страхе за свою жизнь, или же она могла обратиться в суд за разрешением жить отдельно. Но, джентльмены, по опыту других подобных дел я знаю, что суд был бы для нее очень слабой защитой от жестокого мужа. И если бы даже ее прошение имело успех, ей, весьма вероятно, пришлось бы идти в работный дом или на улицу, потому что, - как она сама сейчас видит, - нелегко женщине, не обученной какому-либо ремеслу, не имеющей средств к существованию, прокормить себя и детей, не прибегая к помощи закона о бедных или, если уж говорить вполне откровенно, не продавая свое тело.

Судья. Вы довольно далеко отклонились от сути, мистер Фром!

Фром. Я сию минуту перейду к существу дела, милорд!

Судья. Будем надеяться.

Фром. Итак, джентльмены, я говорил все это для того, чтобы вы отнеслись с особым вниманием к словам этой женщины. Она скажет вам, а подсудимый подтвердит, что, оказавшись перед таким выбором, она возложила все свои надежды на обвиняемого, зная чувства, которые он к ней питает. Выход из своего печального положения она видела в бегстве с ним куда-нибудь за границу, где оба они были бы никому не известны и могли бы сойти за мужа и жену. Это было отчаянное и, как, несомненно, скажет мой коллега Кливер, безнравственное решение, но, как бы то ни было, мысли их обоих постоянно обращались к такому исходу. Одно прегрешение не оправдывает другого, и те из вас, кому не грозит опасность очутиться в подобном положении, пожалуй, имеют право воздевать руки к небу, - об этом я предпочитаю молчать. Но, джентльмены, какова бы ни была ваша точка зрения на эту часть истории обвиняемого, каково бы ни было ваше мнение о праве этих молодых людей при сложившихся обстоятельствах самим устанавливать для себя законы, несомненным остается то, что молодая женщина, в глубоком отчаянии, и молодой человек, почти мальчик, который так преданно любил ее, избрали известный вам и, если угодно, достойный порицания план совместного бегства. Но для этого, конечно, им нужны были деньги, а денег не было. Что же касается действительных событий, происшедших в утро седьмого июля, когда был подделан чек, событий, которые, я надеюсь, позволят мне доказать неувменяемость моего подзащитного, то я предоставляю этим событиям говорить за себя устами моих свидетелей. Роберт Коксон! (Оборачивается, смотрит вокруг, берет лист бумаги и ждет.)

Коксона вызывают в зал суда. Он входит в свидетельскую ложу, держа перед

собой шляпу.

Его приводят к присяге.

Как ваше имя?

Коксон. Роберт Коксон.

Фром. Вы старший клерк юридической конторы, где служил подсудимый?

Коксон. Д-да.

Фром. Долго ли подсудимый был на службе в этой конторе?

Коксон. Два года. Нет, ошибаюсь, два года без семнадцати дней.

Фром. Все это время он был под вашим наблюдением?

Коксон. Кроме воскресений и праздничных дней.

Фром. Понятно. Мы хотели бы услышать, что вы можете сказать о его поведении на протяжении этих двух лет.

Кокс он (обращаясь к присяжным доверительно, таким тоном, словно он немного удивлен, что его спрашивают). Он славный молодой человек, с ним приятно было поговорить. Я не могу сказать про него ничего дурного, напротив, я был потрясен, когда он сделал такую вещь.

Фром. Давал ли он вам когда-нибудь повод подозревать его в бесчестности?

Коксон. Нет, что вы! Нечестность в нашей конторе - такого и быть не может!

Фром. Я не сомневаюсь, что присяжные высоко оценят ваши принципы, мистер Коксон.

Коксон. Каждый деловой человек знает, что честность - это самое важное.

Фром. Значит, вы даете ему вполне хорошую характеристику, так или не так?

Коксон (оборачиваясь к судье). Конечно. Нам всем работалось хорошо вместе, пока не случилась эта история. Она меня просто потрясла.

Фром. Теперь перейдем к событиям утра седьмого июля, когда был подделан чек. Что вы можете сказать о поведении подсудимого в то утро?

Коксон (оборачиваясь к присяжным). Если вы хотите знать мое мнение, он был не в себе, когда сделал это. Так мне кажется.

Судья (резко). Вы хотите сказать, что он был невменяем?

Коксон. Не в себе.

Судья. Нельзя ли немного поточнее?

Фром (успокаивающе). Расскажите нам, мистер Коксон, в чем это проявлялось?

Коксон (несколько раздраженно). По моему мнению (смотрит на судью), если кому интересно, он в это время был как потерянный.

Присяжные поймут, что я хочу сказать.

Фром. Не скажете ли вы нам, как вы пришли к такому заключению?

Коксон. Да, скажу. Мне приносят завтрак из ресторана, котлету с картошкой - это экономит время. В тот день только принесли - и тут как раз мистер Уолтер Хау дал мне чек. А я не люблю, когда еда остывает. Поэтому я пошел в комнату клерков и поручил Дэвису, нашему второму клерку, получить по этому счету. Я заметил, что Фолдер все время ходит взад и вперед по комнате. Я сказал ему: "Здесь не зверинец, Фолдер!"

Фром. Вы помните, что он вам ответил?

Коксон. Д-да. "Боже мой, в зверинце было б лучше!" Ясно, что такой ответ показался мне странным.

Фром. Вы заметили еще что-нибудь необычное?

Коксон. Заметил.

Фром. Что именно?

Коксон. У него был расстегнут воротничок. А я люблю, чтобы наши молодые люди были одеты аккуратно. Я сказал ему: "У вас воротничок расстегнут".

Фром. А что он ответил?

Коксон. Посмотрел на меня в упор. Мне даже стало как-то не по себе.

Судья. Посмотрел на вас? Что же в этом необыкновенного?

Коксон. Д-да, конечно... Но в его глазах было какое-то особенное выражение, я не могу объяснить... Чудное выражение!

Фром. Замечали ли вы когда-нибудь прежде такое выражение в его глазах?

Коксон. Нет. Если бы я заметил, я сказал бы об этом хозяевам. В нашем деле не должно быть никаких странностей.

Фром. Говорили ли вы с ними по этому поводу?

Коксон (доверительно). Мне не хотелось тревожить их без достаточных оснований.

Фром. Но все-таки это произвело на вас сильное впечатление?

Коксон. Д-да. Клерк Дэвис сказал бы вам то же самое.

Фром. Наверное. Очень жаль, что его здесь нет. Теперь расскажите мне о том утре, когда была обнаружена подделка. Это было восемнадцатого июля. В то утро что-нибудь случилось?

Коксон (прикладывая руку к уху). Я немножко глуховат.

Фром. Случилось ли что-нибудь в это утро - то есть еще до того, как была замечена подделка, - что привлекло бы ваше внимание?

Коксон. Д-да, приходила женщина.

Судья. Какое это имеет отношение к делу, мистер Фром?

Фром. Я хочу установить, каково было состояние рассудка обвиняемого, когда он совершил преступление.

Судья. Не возражаю. Но ведь преступление было совершено значительно раньше.

Фром. Да, милорд, но этот вопрос связан с основным положением защиты.

Судья. Продолжайте.

Фром. Вы сказали: "Приходила женщина". Вы имеете в виду, что она пришла в контору?

Коксон. Д-да.

Фром. А зачем?

Коксон. Хотела повидать Фолдера, а его как раз в это время не было.

Фром. Вы ее видели?

Коксон. Видел.

Фром. Она была одна?

Коксон (доверительно). Вы меня ставите в затруднительное положение, сэр. Я ведь не должен передавать вам то, что сказал мне конторский мальчик.

Фром. Совершенно верно, мистер Коксон, совершенно верно, но...

Коксон (перебивая его с таким видом, словно желая сказать: "Вы еще молоды, предоставьте это мне!"). Но я думаю, мы можем обойти это затруднение. В ответ на вопрос, заданный ей третьим лицом, женщина сказала мне: "Они мои, сэр".

Судья. Кто "они"? О ком идет речь?

Коксон. О ее детях. Они были на лестнице.

Судья. Откуда вы знаете?

Коксон. Ваша милость не должны задавать мне такие вопросы, не то мне придется передать чужие слова, а это не положено.

Судья (улыбаясь). Мальчик уже давал показания.

Коксон. Тем лучше!

Фром. Я хочу узнать у вас, мистер Коксон, следующее: когда эта женщина просила вас разрешить ей повидаться с Фолдером, она не сказала чего-нибудь такого, что бы вам особенно запомнилось?

Коксон (глядит на него так, точно считает вопрос незаконченным). Ну, ну, дальше!..

Фром. Сказала или не сказала?

Коксон. Сказала... А то я боялся, как бы у вас не получился наводящий вопрос.

Фром (с раздраженной улыбкой). Не сообщите ли вы присяжным, что именно она сказала?

Коксон. "Это вопрос жизни или смерти".

Старшина присяжных. Это слова той женщины?

Коксон (кивая). Ну да. И такие слова не очень-то приятно выслушивать.

Фром (начиная терять терпение). Фолдер пришел в то время, как она была в конторе?

Коксон кивает,

И она поговорила с ним, а потом ушла?

Коксон. Вот тут я не могу ответить вам. Я не видел, как она уходила.

Фром. Что ж, она и сейчас там?

Коксон (со снисходительной улыбкой). Конечно, нет!

Фром. Благодарю вас, мистер Коксон. (Садится.)

Кливер (поднимаясь). Вы сказали, что в утро, когда была совершена подделка, подсудимый был как потерянный. Прошу вас, сэр, сказать, что именно вы подразумеваете под этими словами.

Коксон (снисходительно). Я постараюсь разъяснить вам. Вы видели когда-нибудь собаку, потерявшую хозяина? Вот так у Фолдера глаза все время перебегали то туда, то сюда.

Кливер. Благодарю вас. Я как раз собирался перейти к его глазам. Вы назвали их выражение "чудн_ы_м". Как это надо понимать? Странное оно было, что ли?

Коксон. Д-да, чудное.

Кливер (раздраженно). Так, сэр! Но то, что может показаться чудн_ы_м вам, может не показаться чудн_ы_м мне или присяжным. Было ли выражение его глаз испуганным, робким, злобным?

Коксон. Вы меня ставите в очень тяжелое положение. Я называю верное слово, а вы хотите, чтобы я сказал другое.

Кливер (постукивая пальцами по столу). Считаете ли вы, что слово "чудной" означает "безумный"?

Коксон. Нет, не безумный, чуд...

Кливер. Очень хорошо. Дальше вы сказали, что его воротничок был расстегнут. День был жаркий?

Коксон. Д-да, кажется.

Кливер. А он застегнулся, когда вы обратили на это его внимание?

Коксон. Да, кажется, что так.

Кливер. Сказали бы вы, что такие его действия указывают на безумие? (Садится.)

Коксон, который открыл рот, чтобы ответить, так и остается с открытым ртом.

Фром (поспешно вставая). Вы когда-нибудь раньше видели его одежду в таком беспорядке?

Коксон. Нет, он всегда был опрятным и подтянутым.

Фром. Достаточно, благодарю вас.

Коксон приветливо поворачивается к судье, как будто порицая адвоката, не вспомнившего, что судье тоже, может быть, хочется задать вопросы. Придя к выводу, что его больше не будут допрашивать, он поворачивается, выходит из

свидетельской ложи и садится рядом с Джеймсом и Уолтером.

Руфь Ханиуил!

Руфь входит в зал суда, мужественно занимает свое место в свидетельской

ложе. Приносит присягу.

Ваше имя?

Руфь. Руфь Ханиуил.

Фром. Сколько вам лет?

Руфь. Двадцать шесть.

Фром. Вы замужем и живете со своим мужем? Говорите чуть громче, пожалуйста!

Руфь. Я ушла от него в июле, сэр.

Фром. У вас есть дети?

Руфь. Да, сэр, двое.

Фром. Они живут с вами?
Руфь. Да, сэр.
Фром. Вы знакомы с обвиняемым?
Руфь (глядя на Фолдера). Да.
Фром. Каковы были ваши отношения с ним?
Руфь. Мы были друзьями.
Судья. Друзьями?
Руфь (просто). Близкими друзьями, сэр.
Судья (строго). В каком смысле?
Руфь. Мы любим друг друга.
Судья. Да, но...
Руфь (качая головой). Нет, ваша милость, нет еще.
Судья. Нет еще! (Смотрит на Руфь и на Фолдера.) Гм, гм!
Фром. Кто ваш муж?
Руфь. Коммивояжер.
Фром. А какие у вас были отношения с мужем?
Руфь (качая головой). Об этом трудно говорить.
Фром. Он плохо обращался с вами?
Руфь. Да, с тех пор как родился мой первенец
Фром. В чем это проявлялось?
Руфь. Во многом! Но мне не хотелось бы говорить об этом.
Судья. Да, мистер Фром, боюсь, что мне придется остановить вас.
Руфь (указывая на Фолдера). Он обещал спасти меня, сэр. Мы собирались уехать в Южную Америку.
Фром (поспешно). Да, совершенно верно. Что же вам помешало?
Руфь. Я была у дверей конторы, когда его увели. У меня чуть сердце не разорвалось.
Фром. Значит, вы знали, что он арестован?
Руфь. Да, сэр. Позднее я зашла в контору, и этот джентльмен (указывая на Коксона) рассказал мне все.
Фром. А вам запомнилось утро пятницы седьмого июля?
Руфь. Да.
Фром. Почему?
Руфь. В то утро муж чуть не задушил меня.
Судья. Чуть не задушил вас?
Руфь (наклоняя голову). Да, милорд.
Фром. Руками или?..

Руфь. Да, я едва вырвалась от него. И пошла прямо к моему другу. Было восемь часов.

Судья. Восемь часов утра? Значит, ваш муж действовал не под влиянием алкоголя?

Руфь. Он и не только пьяный бил меня.

Фром. В каком вы находились состоянии?

Руфь. В очень плохом состоянии, сэр. Платье было разорвано, и я все еще задыхалась.

Фром. Вы рассказали вашему другу о том, что произошло?

Руфь. Да. Лучше бы я ничего ему не говорила!

Фром. Это произвело на него сильное впечатление?

Руфь. Ужасное.

Фром. Говорил ли он вам что-нибудь о чеке?

Руфь. Никогда.

Фром. Давал он вам когда-нибудь деньги?

Руфь. Да.

Фром. Когда это было?

Руфь. В субботу.

Фром. Восьмого числа?

Руфь. Он дал мне деньги, чтобы я купила все нужное себе и детям и приготовилась к отъезду.

Фром. Это удивило вас или нет?

Руфь. Что именно, сэр?

Фром. То, что у него нашлись деньги для вас.

Руфь. Да, потому что в то утро, когда муж чуть не убил меня, мой друг плакал из-за того, что у него не было денег, чтобы увезти меня. Потом он сказал мне, что он неожиданно получил наследство.

Фром. Когда вы в последний раз видели его?

Руфь. В тот день, когда его забрали, сэр. Это был тот самый день, когда мы должны были уехать.

Фром. Да, да, в то утро, когда его арестовали. А видели ли вы его между пятницей и этим утром?

Руфь кивает.

Как он себя вел?

Руфь. Он словно оцепенел. Иногда казалось, что он не может выговорить ни слова.

Фром. Как будто с ним случилось что-то из ряда вон выходящее?

Руфь. Да.

Фром. Тягостное или приятное?

Руфь. Как будто какая-то угроза нависла над ним.

Фром (колеблясь). Скажите мне, вы очень любили моего подзащитного?

Руфь (наклоняя голову). Да.

Фром. И он очень любил вас?

Руфь (глядя на Фолдера). Да, сэр.

Фром. Так вот, думаете ли вы, что опасность, которой вы подвергались, и ваши несчастья могли серьезно нарушить его душевное равновесие, его способность управлять своими поступками?

Руфь. Да.

Фром. Даже повлиять на его рассудок?

Руфь. Я думаю, на какое-то время могли бы.

Фром. Он был очень подавлен в ту пятницу или же сравнительно спокоен?

Руфь. Страшно подавлен. Я даже боялась отпустить его.

Фром. Вы все еще любите его?

Руфь (не отрывая глаз от Фолдера). Он погубил себя ради меня.

Фром. Благодарю вас. (Садится.)

Руфь, выпрямившись, стоит в свидетельской ложе.

Кливер (почтительно). Я полагаю, вы не можете утверждать, что он был невменяем утром в пятницу седьмого июля, когда вы расстались с ним?

Руфь. Нет, сэр.

Кливер. Благодарю вас. У меня больше нет вопросов.

Руфь (немного наклонясь вперед, к присяжным). Я бы сделала то же самое ради него, да, да!

Судья. Успокойтесь, успокойтесь. Так вы сказали, что ваша супружеская жизнь не была счастливой. Кто в этом виноват? Обе стороны?

Руфь. Я виновата только в том, что не хотела покоряться ему. Не понимаю, сэр, чего ради я должна покоряться кому-то, особенно такому человеку.

Судья. Вы отказывались повиноваться ему?

Руфь (избегая ответа на вопрос). Я всегда старалась, чтобы все шло хорошо.

Судья. Пока не встретили обвиняемого, не так ли?

Руфь. Нет, и после этого.

Судья. Видите ли, я спрашиваю потому, что мне кажется, вы гордитесь своей любовью к обвиняемому.

Руфь (колеблясь.). Я... да, я горжусь. Эта любовь - единственное, что осталось мне в жизни.

Судья (сурово глядя на нее). Хорошо, пожалуйста, садитесь на свое место.

Руфь смотрит на Фолдера, затем тихо покидает свидетельскую лужу и занимает

свое место среди свидетелей.

Фром. Я вызываю подсудимого как свидетеля, милорд.

Фолдер покидает скамью подсудимых, переходит в свидетельскую лужу и

приводится к присяге.

Ваше имя?

Фолдер. Уильям Фолдер.

Фром. Возраст?

Фолдер. Двадцать три года.

Фром. Вы не женаты?

Фолдер качает головой.

Давно ли вы знакомы со свидетельницей?

Фолдер. Полгода.

Фром. То, что она рассказала нам о ваших отношениях, соответствует действительности?

Фолдер. Да.

Фром. И вы горячо полюбили ее?

Фолдер. Да.

Судья. Хотя знали, что она замужем?

Фолдер. Я тут ничего не мог поделать, ваша милость.

Судья. Ничего не могли поделать?

Фолдер. Это было выше моих сил.

Судья слегка пожимает плечами.

Фром. Как вы познакомились с ней?

Фолдер. Нас познакомила моя замужняя сестра.

Фром. Что вы знали о ее жизни с мужем? Была ли она счастлива или нет?

Фолдер. У нее были одни неприятности.

Фром. Вы знали ее мужа?

Фолдер. Только с ее слов. Он просто зверь.

Судья. Всякие необоснованные выпады против лиц, не присутствующих здесь, недопустимы.

Фром (кланяясь судье). Как прикажет ваша милость. (Фолдеру.) Вы признаете, что подделали чек?

Фолдер опускает голову.

Пожалуйста, возвратитесь мысленно к утру пятницы седьмого июля и расскажите суду, что тогда случилось.

Фолдер (обращаясь к присяжным). Когда она пришла, я завтракал. Платье у нее было разорвано, и она никак не могла отдышаться. На горле у нее были следы его пальцев, руки в синяках, и глаза ее страшно налились кровью. Я прямо в ужас пришел. А когда она мне все рассказала, я почувствовал... Я почувствовал... я просто не мог этого вынести! (С внезапным ожесточением.) Если бы вы увидели все это и любили ее так, как я, вы почувствовали бы то же самое.

Фром. Ну, и...

Фолдер. Когда она ушла - мне ведь надо было идти в контору, - я был вне себя от страха, что он совсем изувечит ее. Все думал, как помочь ей. Все утро я не мог работать, просто не мог ни на чем сосредоточиться. Совсем не мог думать и только все время ходил взад и вперед. Когда Дэвис, наш другой клерк, дал мне чек, он сказал: "Тебе полезно будет прогуляться, Уил. Ты какой-то полоумный сегодня". Когда чек оказался у меня в руках, я не знаю, как это случилось, но у меня мелькнула мысль, что, если я припишу к слову восемь окончание "десять" и добавлю ноль к цифре, у меня будут деньги, чтобы увезти Руфь. Ну, мысль мелькнула, и больше я об этом не думал. Потом Дэвис отправился завтракать, и я ничего больше не помню до той минуты, как я просунул чек в окошко кассира. Я помню, как он спросил: "Золотом или банкнотами?" Тогда я, кажется, понял, что я наделал. И так мне стало жутко, что, выйдя на улицу, я хотел броситься под омнибус, хотел выбросить деньги, но потом подумал: "Я все равно пропал, так спасу хоть ее". Конечно, купить билеты на проезд стоило денег, и ей я кое-что дал, но остальное, за исключением того, что мне пришлось потратить на себя, возвращено. Я все время думаю об этом и до сих пор не могу понять, что тогда нашло на

меня... А теперь уж ничего нельзя вернуть и изменить. (Замолкает, ломая руки.)

Фром. Какое расстояние от вашей конторы до банка?

Фолдер. Не более пятидесяти шагов.

Фром. Как вы полагаете, сколько времени прошло с того момента, как Дэвис ушел завтракать, и до того, как вы предъявили чек?

Фолдер. Не более четырех минут, сэр, потому что я всю дорогу бежал.

Фром. Вы говорите, что ничего не помните из того, что произошло за эти четыре минуты?

Фолдер. Нет, сэр, - только, что я бежал.

Фром. Ни даже того, как вы приписали "десять" и добавили ноль?

Фолдер. Нет, сэр, право, не помню.

Фром садится, поднимается Кливер.

Кливер. Но вы помните, как вы бежали, не так ли?

Фолдер. Я совсем не мог дышать, когда добрался до банка.

Кливер. Но вы не помните, как подделали чек?

Фолдер (слабым голосом). Нет, сэр.

Кливер. Если снять покров романтики, который мой коллега набрасывает на это дело, останется ли от него что-либо, кроме простого подлога? Отвечайте!

Фолдер. Я все утро был как помешанный, сэр.

Кливер. Так, так! Но вы не станете отрицать, что почерк вы подделали удачно и вполне обманули кассира?

Фолдер. Это случайность.

Кливер (весело). Любопытная случайность, а? А когда вы подделали корешок?

Фолдер (опуская голову). В среду утром.

Кливер. Это тоже была случайность?

Фолдер (слабым голосом). Нет.

Кливер. Ведь для того, чтобы проделать это, вам пришлось ловить удобный случай, - так?

Фолдер (почти неслышно). Да.

Кливер. Вы не утверждаете, что и тогда были под влиянием сильного возбуждения?

Фолдер. Меня преследовал страх.

Кливер. Страх, что все обнаружится?

Фолдер (очень тихо). Да.

Судья. Вам не приходило в голову, что единственное, что вы можете сделать, - это сознаться перед своими нанимателями и вернуть деньги?

Фолдер. Я боялся.

Пауза.

Кливер. К тому же вам, несомненно, хотелось довести свой план до конца и увезти эту женщину?

Фолдер. Когда я понял, что натворил, подумать, что все это я сделал зря, было слишком ужасно. Уж проще было бы броситься в реку.

Кливер. Вы знали, что клерк Дэвис собирался уехать из Англии. Когда вы подделывали чек, вам не пришло в голову, что подозрение может пасть на него?

Фолдер. Все это было сделано в одно мгновение. Позже я думал об этом.

Кливер. И это не побудило вас сознаться в своем проступке?

Фолдер (угрюмо). Я хотел написать, когда буду за границей; и я бы выплатил деньги.

Судья. А тем временем ваш ни в чем не повинный товарищ должен был попасть под суд?

Фолдер. Я знал, что он далеко, ваша милость. Мне казалось, время терпит. Я не думал, что все откроется так скоро.

Фром. Я хотел бы напомнить вашей милости, что чековая книжка и после отъезда Дэвиса еще находилась в кармане мистера Уолтера Хау. Если бы подлог обнаружился всего днем позже, Фолдер сам уже уехал бы и подозрение с самого начала пало бы на него, а не на Дэвиса.

Судья. Вопрос в том, знал ли подсудимый, что подозрение пало бы на него, а не на Дэвиса (Фолдеру, строго.) Вы знали, что после отъезда Дэвиса чековая книжка была у мистера Уолтера Хау?

Фолдер. Я... я... думал... он...

Судья. Говорите правду: да или нет?

Фолдер (очень тихо). Нет, милорд, я никак не мог это знать.

Судья. Это опровергает ваш довод, мистер Фром.

Фром кланяется судье.

Кливер. Когда-нибудь раньше у вас бывало такое временное умопомрачение?

Фолдер (слабым голосом). Нет, сэр.

Кливер. Вы достаточно оправились, чтобы вернуться на работу в тот день?

Фолдер. Да, мне надо было отдать деньги.

Кливер. Но не восемьдесят, а восемь фунтов. Ваш рассудок был достаточно ясен, чтобы помнить об этом? И вы все-таки настаиваете на том, что не помните, как подделали чек? (Садится).

Фолдер. Если бы я был в своем уме, у меня никогда не хватило бы смелости.

Фром (поднимаясь). Вы завтракали, перед тем как пришли обратно в контору?

Фолдер. Я ничего не ел весь день, а ночью не мог спать.

Фром. Вернемся к тем четырем минутам, которые прошли с момента, когда Дэвис ушел, и до того, как вы предъявили чек. Вы говорите, что ничего не помните из того, что было в эти четыре минуты?

Фолдер. Я вспоминаю, что я все время видел перед собой лицо мистера Коксона.

Фром. Лицо мистера Коксона? Это имело какое-нибудь отношение к тому, что вы делали?

Фолдер. Никакого, сэр.

Фром. Это было в конторе, до того как вы вышли на улицу?

Фолдер. Да, сэр, и когда я бежал тоже.

Фром. И это продолжалось, пока кассир не сказал: "Золотом или банкнотами?"

Фолдер. Да, а потом я словно очнулся, но было уже поздно.

Фром. Благодарю вас. На этом защита прекращает, допрос свидетелей, милорд.

Судья кивает. Фолдер возвращается на скамью подсудимых.

(Собирая свои записи). Ваша милость, господа присяжные заседатели! Во время перекрестного допроса мой коллега стремился высмеять аргументы, приводимые защитой по данному делу, и я готов допустить, что никакие мои слова не тронут вас, если показания свидетелей уже не убедили вас в том, что подсудимый совершил преступление в минуту, когда он фактически не мог отвечать за свои

действия; в минуту, когда его умственные и духовные способности были настолько парализованы страшным волнением, что это привело его к временному помешательству. Мой коллега упоминает о "покрове романтики", который я будто бы пытаюсь набросить на рассматриваемое нами дело. Джентльмены, это совершенно неверно. Я всего лишь показал вам изнанку жизни, той трепещущей жизни, которая - поверьте мне, что бы ни говорил мой коллега, - всегда лежит в основе преступления. Да, джентльмены, мы живем в высокоцивилизованный век, и зрелище грубого насилия потрясает нас, даже если мы сами от него не страдаем. Но представьте, что вы видите, как насилию подвергается любимая вами женщина. Подумайте, что чувствовали бы вы, каждый из вас, если бы вы были к тому же в возрасте подсудимого. А теперь посмотрите на него. Вряд ли он такая уж благодушная или, скажем, созерцательная натура, чтобы равнодушно глядеть на следы побоев, нанесенных женщине, которой он предан всей душой. Да, джентльмены, посмотрите на него! На его лице нет признаков сильной воли, но нет на нем и признаков порока. Он просто-напросто человек, который легко поддается своим чувствам. Тут говорили о его глазах. Мой коллега может смеяться над словом "чудной", а я думаю, что оно лучше какого-либо другого слова передает особое, жуткое выражение глаз тех людей, нервы которых напряжены до предела. Конечно, его помешательство было не более как мгновенным затмением рассудка, когда утрачивается всякое соотношение вещей. Если человек в такое мгновение убивает себя, ему можно простить - и часто прощают - грех самоубийства. Но ведь находясь в подобном состоянии, человек может совершить - и часто совершает - другие преступления, и тогда мы, совершенно таким же образом, можем не приписывать ему преступных намерений, а обойтись с ним, как с больным. Я признаюсь, что это довод, которым легко можно злоупотреблять. Его нужно тщательно взвесить. Но в данном случае у вас есть все основания сомневаться в полной вменяемости подсудимого. Вы слышали, как я спросил его, о чем он думал в течение этих роковых четырех минут. Что он ответил? "Я видел перед собой лицо мистера Коксона". Джентльмены! Такого ответа не выдумашь! Это ответ абсолютно правдивый. Вы видели, какая глубокая взаимная привязанность (законная или нет - другой вопрос) существует между ним и той женщиной, которая, рискуя

жизнью, пришла сюда свидетельствовать в его пользу. Невозможно сомневаться в том, что он испытал страшное отчаяние в то утро, когда был совершен подлог. Мы хорошо знаем, какую ужасную сумятицу может вызвать такое отчаяние в сознании людей слабых и нервных. Все, что произошло, было делом одной минуты. Остальное последовало так же неизбежно, как смерть следует за ударом кинжала в сердце, как вода выливается из перевернутого кувшина. Поверьте, джентльмены, нет в жизни большей трагедии, чем сознание, что уже невозможно исправить содеянное тобою. Раз чек был подделан и предъявлен - в те четыре минуты, четыре минуты сумасшествия, остальное пошло само собой. Но за эти четыре минуты юноша, которого вы видите перед собой, проскользнул в чуть приоткрытую дверцу той огромной клетки, которая, впустив человека, уже не выпускает его, - клетки Правосудия. Дальнейшие его поступки: нежелание признаться, подделка корешка, подготовка к бегству - все это не признаки сознательного и преступного намерения; ведь он уже совершил свой основной проступок, который привел ко всему дальнейшему. Нет! Все это лишь признаки слабого характера, в котором, совершенно очевидно, главная беда подсудимого. Но неужели же человек должен погибнуть за то, что он рожден и воспитан слабохарактерным? Джентльмены, люди, подобные обвиняемому, гибнут ежедневно под тяжестью наших законов, которым не хватает мудрой человечности, чтобы разглядеть в таких людях больных, а не преступников. Если подсудимого признают виновным и поступят с ним как с настоящим преступником, он им, по всей вероятности, и станет. Это подтверждается опытом. Я прошу вас не выносить приговора, который бросит его в тюремную камеру, наложит на него неизгладимое клеймо. Джентльмены, Правосудие - машина, которая после первого, начального толчка катится дальше сама собой. Нужно ли, чтобы этот юноша был размолот машиной Правосудия за поступок, который в худшем случае был следствием его слабости? Должен ли он стать одним из тех несчастных, которые заполняют темный, зловещий трюм корабля, называемого тюрьмой? Зачем отправлять его в то плавание, из которого возвращаются лишь немногие? Не лучше ли дать ему возможность западнить свою вину, чтобы на него смотрели только как на человека, который немного сбился в сторону, но вернется на прямой путь? Я взываю к вам,

джентльмены: не губите этого молодого человека! Ибо в оплату за четыре минуты невменяемости ему грозит гибель, полная и неотвратимая. Его еще можно спасти. Посадите его в тюрьму как преступника, и я ручаюсь вам, что он погибнет. Его лицо и весь его облик ясно говорят, что он не из тех, кто способен выдержать такое страшное испытание. Положите на одну чашу весов его преступление, а на другую - те муки, которые он перенес. Ведь они и так уже вдесятеро тяжелее. Более двух месяцев он пробыл в тюрьме, ожидая суда. Разве он когда-нибудь забудет это время? Представьте, какие душевные пытки перенес он за эти два месяца. Он уже наказан, джентльмены, вы можете быть в этом уверены. Колесница Правосудия подмяла под себя этого юношу уже тогда, когда решено было возбудить против него судебное преследование. Мы присутствуем при второй стадии. Если вы допустите, чтобы дело дошло до третьей, я не дам за него ни вот столько. (Складывает в кружок большой и указательный пальцы, роняет руку и садится).

Присяжные беспокойно ерзают на своих местах, переглядываются, присматриваясь к реакции соседей. Затем они поворачиваются к обвинителю, который встает и, найдя глазами точку, куда ему удобнее всего смотреть, начинает говорить, время от времени переводя взгляд на присяжных.

Кливер. Ваша милость (поднимаясь на цыпочки), господа присяжные заседатели! Факты этого дела не оспариваются, и защита, если мой коллега разрешит мне так выразиться, построена на столь шатких основаниях, что я не считаю нужным отнимать у суда время подробным разбором свидетельских показаний. У защиты есть только один довод - временное помешательство. Осмелюсь сказать, джентльмены, что мне виднее, чем вам, почему был выдвинут этот... как бы сказать?... странный довод. Если бы это не было сделано, подсудимому пришлось бы просто признать свою вину. Однако, джентльмены, если бы подсудимый признал себя виновным, моему коллеге оставалось бы лишь взывать к милосердию судьи. Вместо этого он избрал окольный путь и выискал такой... э... своеобразный аргумент, что дало ему возможность выставить перед вами эту пресловутую женщину, вызвать ее в качестве свидетельницы и действительно придать всему делу романтическую окраску. Я поздравляю моего коллегу; я считаю, что он действовал чрезвычайно

остроумно. Такими средствами он до некоторой степени обошел закон. Всю историю о мотиве преступления и о переживаниях подсудимого он представил суду так, как это было возможно только при избранной им системе защиты. Но если вы поняли это, джентльмены, вы поняли все. (С добродушным пренебрежением). Вернитесь, например, к аргументу о сумасшествии; трудно представить себе что-нибудь менее убедительное. Вы слышали показания женщины. У нее есть все основания поддерживать обвиняемого, но что она сказала? Она сказала, что подсудимый не был безумен, когда расстался с ней утром. Если бы он потерял рассудок от отчаяния, очевидно, именно в этот миг безумие и должно было бы проявиться. Вы слышали показания старшего клерка, также свидетеля защиты. С некоторым трудом я добился от него признания, что обвиняемый, хотя и был "как потерянный" (свидетель надеялся, что вы поймете смысл этого выражения, и я также надеюсь на это), все же не был безумным в ту минуту, когда чек был вручен Дэвису. Я согласен с моим коллегой: жаль, что здесь нет Дэвиса, но подсудимый привел вам слова, с которыми Дэвис, в свою очередь, передал чек ему. Очевидно, он не был безумным в момент, когда брал чек, иначе он не запомнил бы этих слов. Кассир сказал вам, что подсудимый, несомненно, был в полном рассудке, когда получал по чеку. И вот выходит, что человек, который был в здравом уме в десять минут второго и в пятнадцать минут второго, может утверждать, будто он был безумен в промежутке между двумя указанными моментами, и таким способом избежать ответственности за преступление. Право же, джентльмены, это такое удивительное предположение, что я не намерен утомлять вас дальнейшими доводами. Вы сами составите себе мнение о его ценности. Именно этим предположением воспользовался мой коллега, когда говорил здесь - очень много и очень красноречиво - об ошибках молодости, об искушении и тому подобном. Я мог бы, однако, напомнить, что преступление, совершенное подсудимым, в глазах нашего закона одно из самых тяжких. К тому же, в деле есть особые обстоятельства, как то, что подсудимый дал подозрению пасть на невинного клерка Дэвиса, как связь подсудимого с замужней женщиной, - обстоятельства, при которых вам будет очень трудно придать вес доводам защиты. Короче говоря, я прошу вас, джентльмены, вынести решение о виновности

подсудимого, которое, к сожалению, при данных обстоятельствах только и возможно. (Переводит глаза с судьи и присяжных на Фрома и садится.)

Судья (немного наклоняется к присяжным и говорит деловым тоном). Джентльмены, вы слышали показания свидетелей и прения сторон. Я обязан лишь разъяснить вам спорные стороны дела, на которые вам следует обратить особое внимание. Поскольку речь идет о подделке подсудимым чека и корешка, факты можно считать установленными. Защита утверждает, что в момент совершения преступления подсудимый был в невменяемом состоянии. Вы слышали рассказ подсудимого и показания свидетелей, относящиеся к вопросу о невменяемости. Если вы считаете все это достаточно убедительным, чтобы согласиться, что в момент совершения подлога обвиняемый не был в здравом уме, вы признаете его виновным, но находившимся в невменяемом состоянии. Если же, с другой стороны, из всего виденного и слышанного вами вы сделаете вывод, что обвиняемый был в здравом уме (а ничего, кроме помешательства, нельзя принимать во внимание), вы признаете его безоговорочно виновным. Разбирая данные о его умственном состоянии, вы должны очень тщательно взвесить показания, относящиеся к его поведению как до совершения подделки, так и после, то есть показания самого подсудимого, свидетельницы, а также свидетеля э... э... Коксона и э... кассира. При рассмотрении этого вопроса я прошу вас обратить особое внимание на признание обвиняемого, что мысль добавить окончание "десять" к слову "восемь" и нуля к цифре пришла ему в голову в тот самый миг, когда ему был вручен чек. Обратите также внимание на подделку им корешка и вообще на все его дальнейшее поведение. Связь этих фактов с вопросом о преднамеренности (а преднамеренность подразумевает здравое состояние ума) совершенно очевидна. При вынесении своего вердикта вы не должны принимать во внимание такие обстоятельства, как молодость подсудимого или искушение, которому он подвергался. Прежде чем вынести решение "виновен, но находился в невменяемом состоянии", вы должны быть вполне убеждены в том, что по состоянию ума в момент совершения преступления подсудимого следовало бы отправить в сумасшедший дом. (Замолкает, затем, видя, что присяжные колеблются - уходит им

или остаться, добавляет.) Вы можете удалиться на совещание, джентльмены, если вам угодно.

Присяжные удаляются в дверь, которая находится в задней стене, позади судьи. Судья склоняется над своими бумагами. Фолдер, перегнувшись через перила, с волнением говорит что-то помощнику Фрома, указывая на Руфь. Тот, в свою очередь, говорит что-то Фрому.

Фром (поднимаясь). Милорд, подсудимый очень обеспокоен положением свидетельницы. Он просит меня ходатайствовать перед вашей милостью о том, чтобы репортерам было дано указание не публиковать в судебных отчетах ее имени. Ваша милость понимает, что это могло бы иметь для нее крайне тяжелые последствия.

Судья (колко, с чуть заметной улыбкой). Но, мистер Фром, вы же сами повернули дело так, что пришлось вызвать ее сюда.

Фром (с ироническим поклоном). Ваша милость считает, что можно было осветить все обстоятельства дела каким-нибудь иным путем?

Судья. Гм, ну, не знаю.

Фром. Она, действительно, подвергается очень серьезной опасности, ваша милость.

Судья. Видите ли, в этом вопросе мне приходится верить вам на слово.

Фром. Я прошу вашу милость положиться на мое слово, и, уверяю вас, я не преувеличиваю.

Судья. Я очень не люблю скрывать имена свидетелей. (Бросает взгляд на Фолдера, который сжимает и сплетает руки, затем на Руфь, которая сидит, застыв на месте и не сводя глаз с Фолдера.) Я обдумаю вашу просьбу. Посмотрим! Я вынужден принять во внимание, что, может быть, она пришла сюда, чтобы дать ложные показания в пользу обвиняемого.

Фром. Ваша милость, право же, я...

Судья. Хорошо, хорошо, я ничего такого не утверждаю, мистер Фром! Оставим пока этот вопрос.

Когда он кончает говорить, возвращаются присяжные и гуськом проходят в свою ложу.

Секретарь суда. Джентльмены, согласовали ли вы свое решение?

Старшина присяжных. Да.

Секретарь суда. Гласит ли оно "виновен" или "виновен, но находился в состоянии невменяемости"?

Старшина присяжных. Виновен.

Судья кивает, затем, собрав свои записи, глядит на Фолдера, который стоит

неподвижно.

Фром (вставая). Я прошу разрешения у вашей милости обратиться к вам с просьбой о смягчении приговора. Я не знаю, считает ли ваша милость, что я могу добавить что-нибудь к тому, что я уже говорил присяжным о молодости подсудимого и о том, под каким давлением он находился.

Судья. Не думаю, чтобы вам нужно было повторять все это, мистер Фром.

Фром. Если ваша милость так полагает.. Но я покорнейшим образом прошу вашу милость придать самое серьезное значение моим доводам.

Судья (секретарю). Продолжайте.

Секретарь суда. Подсудимый, вы признаны виновным в совершении подлога. Имеете ли вы сказать что-нибудь такое, что могло бы смягчить наказание, полагающееся вам в соответствии с законом?

Фолдер отрицательно качает головой.

Судья. Уильям Фолдер, вы подверглись справедливому суду и признаны виновным в подлоге. Это решение я нахожу вполне правильным. (Останавливается, потом, заглянув в свои записи, продолжает.) Защита утверждала, что в момент совершения преступления вы были в невменяемом состоянии. Я думаю, что это, несомненно, был лишь предлог для того, чтобы показать суду истинную природу того искушения, которому вы поддались. По существу, в течение всего процесса ваш защитник просто взывал к милосердию суда. Конечно, путь, избранный вашим защитником, дал ему возможность представить такие свидетельские показания, которые могли бы в этом отношении повлиять на суд. Разумно ли это было с его стороны или нет - другой вопрос. Он утверждал, что с вами следует обращаться скорее как с больным, чем как с преступником. Этот довод, который под конец превратился в страстный призыв, он

основывал на обвинении Правосудия, которое, по его мнению, может усугубить и завершить процесс формирования из вас преступника. Взвешивая, какое значение мне следует придать этой просьбе, я должен принять во внимание ряд обстоятельств. Я должен принять во внимание прежде всего тяжесть совершенного вами преступления, ту несомненную преднамеренность, с которой вы позднее подделали корешок чека, опасность, которую вы навлекли на невинного человека, - а это, по-моему, очень серьезный момент, - и, наконец, я должен считаться с необходимостью предостеречь других, которые могли бы последовать вашему примеру. С другой стороны, я не забываю того, что вы молоды, что до сих пор ваше поведение было безупречным, что, если верить вашим собственным показаниям и показаниям свидетелей защиты, вы в момент совершения преступления находились в некотором возбуждении. Я очень хотел бы, насколько позволяет мой долг не только по отношению к вам, но и по отношению к обществу, поступить с вами мягко. Но это приводит меня к тому, что является, как мне кажется, решающим фактором в нашем деле. Вы были клерком в юридической конторе - это, по-моему, весьма важное обстоятельство. Тут никак нельзя допустить, что вы не отдавали себе ясного отчета в серьезности совершаемого вами преступления и не знали, какое наказание оно за собой влечет. Однако здесь говорилось о том, что вас увлекли ваши чувства. Мы сегодня слышали историю ваших отношений с этой... э... миссис Ханиуил. На этой истории, собственно, были основаны и защита и призыв к милосердию. Но что же это за история? Вы, молодой человек, и она, молодая женщина, несчастливая в своем замужестве, питали друг к другу чувства, которые, как вы оба говорите (я не могу судить, правда это или нет), еще не привели к безнравственным отношениям, но, как вы оба признаете, неизбежно привели бы к ним. Ваш защитник пытался смягчить это обстоятельство утверждением, что женщина, по его словам, была в "безвыходном положении". Не мне судить об этом. Она замужняя женщина, и мне совершенно ясно, что вы совершили преступление с целью осуществить безнравственный замысел. Итак, при всем моем желании, я, по совести, не могу удовлетворить просьбу о милосердии, основанную на доводах, противоречащих морали. Эти доводы несостоятельны *ab initio* {С самого начала (лат.)}, и если бы я внял им, вам тем самым была бы предоставлена возможность

завершить свой безнравственный план. Ваш защитник пытался связать ваше преступление с тем, что он, по-видимому, считает недостатком нашего закона о браке. Он пытался также доказать, что было бы несправедливо наказывать вас дальнейшим тюремным заключением. Я не могу согласиться с ним в этом. Закон есть закон величественное здание, под сенью которого мы все обретаемся, и каждый камень его покоится на других камнях. Мое дело - лишь выполнять закон. Вы совершили очень тяжкое преступление. Принимая во внимание мой долг перед обществом, я не могу воспользоваться предоставленной мне властью смягчить вашу участь. Я присуждаю вас к трем годам каторжных работ.

Фолдер, который во время речи судьи внимательно смотрел на него, роняет голову на грудь. Когда стражники уводят его, Руфь вскакивает с места. В зале

движение.

(Репортерам.) Я прошу представителей прессы не упоминать имени свидетельницы в отчетах.

Репортеры кланяются в знак согласия.

(Руфи, которая, не отрываясь, смотрит в направлении, куда увели Фолдера.) Вы поняли? Ваше имя не будет упомянуто.

Коксон (дергая ее за рукав). К вам обращается судья.

Руфь оборачивается, пристально смотрит на судью и снова отворачивается.

Судья. Мне сегодня придется еще посидеть здесь. Объявите следующее дело.

Секретарь суда (стражнику). Переходим к делу Джона Були.

Под возгласы "Свидетели по делу Були!" занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Тюрьма. Просто обставленная комната. Два больших окна с решетками выходят на тюремный двор, где люди в желтой одежде и в желтых шапках без козырьков быстро шагают гуськом, на расстоянии четырех шагов друг от друга по зигзагообразной белой линии, начерченной на цементе двора. Посредине стоят два стражника в синей форме, в островерхих фуражках и при саблях. В комнате выцветшие стены, шкаф с множеством официального вида книг. Между окнами конторский шкаф, на стене план тюрьмы. Письменный

стол завален бумагами. Сочельник. Начальник тюрьмы - подтянутый, строгого вида мужчина с подстриженными светлыми усами, задумчивыми глазами и седыми, редящими на висках волосами - стоит у письменного стола, рассматривая пилку, грубо сделанную из куска металла. На руке, в которой он держит пилку, не хватает двух пальцев, и поэтому на нее надета перчатка. В двух шагах от него стоит навтыжку старший надзиратель Вудер, высокий, худой, лет шестидесяти, с военной выправкой. У него седые усы и печальные, как у обезьяны, глаза.

Начальник (со слабой, рассеянной улыбкой). Любопытная вещица, Вудер! Где вы ее разыскали?

Вудер. У него в матрасе, сэр. Уже года два мне не попадались такие штучки.

Начальник (с любопытством). У него был какой-нибудь определенный план?

Вудер. Он успел перепилить прут оконной решетки вот на столько. (Показывает двумя пальцами расстояние примерно в полсантиметра.)

Начальник. Я зайду к нему в камеру сегодня же. Как его зовут? Моуни? Стреляный воробей, надо полагать?

Вудер. Да, сэр, сидит четвертый раз. Такому тюремному старожилу пора бы уж знать, что все это бесполезно. (С презрительной жалостью.) Занятие, говорит, по крайней мере. Одно у них занятие: двери взламывать да окна высаживать - что на воле, что здесь.

Начальник. Кто сидит рядом к ним?

Вудер. О'Клири, сэр.

Начальник. А! Тот ирландец!

Вудер. А в следующей камере - парнишка Фолдер, каторжный, а рядом с ним - старик Клинтон.

Начальник. Да-да, "философ"! Надо будет поговорить с ним о его глазах.

Вудер. Ведь вот что интересно, сэр: они как будто знают, когда кто-нибудь затевает побег. Делаются какими-то беспоконными. Вот и сейчас, настоящая волна прокатилась!

Начальник (задумчиво). Странная вещь - эти волны возбуждения. (Оборачивается и разглядывает арестантов, выведенных на прогулку.)

А здесь, на дворе, кажется, все спокойно.

Вудер. Утром этот ирландец О'Клири начал барабанить в дверь камеры. И от такой вот мелочи все заключенные сразу словно взбесились. Они иной раз точно звери неразумные.

Начальник. Так бывает с кавалерийскими лошадьми перед грозой, я это видел: по всему строю вдруг словно что-то прокатится.

Входит тюремный священник. Это темноволосый, аскетического вида человек в будничной священнической одежде. У него неподвижное лицо, плотно сжатые

губы, размеренная речь образованного человека.

(Показывая пилку.) Видели, Миллер?

Священник. Полезная вещичка.

Начальник. Годится для нашего музея, а? (Идет к шкафу и открывает его. Внутри виден целый ряд каких-то веревок, крючков и металлических инструментов; к каждому из них привязан ярлычок.) Благодарю вас, мистер Вудер, вы свободны.

Вудер (отдает честь). Слушаюсь, сэр. (Уходит.)

Начальник. Это объясняет поведение заключенных за последние день-два, как вы думаете, Миллер? Возбуждение прокатилось по всем этажам.

Священник. Я не заметил ничего особенного.

Начальник. Да, кстати! Я хотел бы пригласить вас пообедать с нами на рождество.

Священник. Завтра? Очень вам благодарен.

Начальник. Меня всегда огорчает, когда среди заключенных появляется недовольство. (Бросает взгляд на пилку.) Придется наказать беднягу! Не могу не сочувствовать человеку, который пытается вырваться на волю. (Кладет пилку в карман и запирает шкаф.)

Священник. У некоторых из них удивительная сила воли, причем какая-то извращенная. Пока ее не сломишь, с ними ничего нельзя поделаться.

Начальник. Боюсь, что и потом от них не много добьешься. Как сегодня земля? Не слишком затвердела, чтобы сыграть в гольф?

Снова входит Вудер.

Вудер. Посетитель, который навещал заключенного "Ка-три-ноль-ноль-семь", желает поговорить с вами, сэр. Я заявил ему, что это не

принято.

Начальник. По какому вопросу?

Вудер. Сказать ему, что вы заняты, сэр?

Начальник (как бы покорившись своей участи). Нет, нет, я поговорю с ним. Не уходите, Миллер!

Вудер подает знак кому-то, стоящему за дверью, пропускает посетителя и уходит. Посетителем оказывается Коксон. На нем теплое пальто до колен,

шерстяные перчатки, в руках цилиндр.

Коксон. Простите, что побеспокоил вас. Я только что беседовал с молодым человеком.

Начальник. У нас здесь много молодых людей.

Коксон. Его фамилия Фолдер. Дело о подлоге. (Достает свою визитную карточку и протягивает ее начальнику.) Фирма Джеймс и Уолтер Хау хорошо известна в юридическом мире.

Начальник (беря карточку, с легкой улыбкой). О чем же вы хотите поговорить со мной, сэр?

Коксон (внезапно замечая арестантов во дворе). Боже, какое зрелище!

Начальник. Да, отсюда мы вынуждены любоваться этим зрелищем. Мой собственный кабинет ремонтируется. (Садится за стол.) Я вас слушаю.

Коксон (с трудом отрывая взгляд от окна). Мне очень хотелось сказать вам несколько слов. Я ненадолго задержу вас. (Доверительно.) Дело в том, что у меня, собственно, нет права быть здесь. Но ко мне приходила его сестра родителей-то его нет в живых, - и она прямо в отчаянии. "Мой муж, - это она мне говорит, - не пускает меня к нему и все твердит, что Уильям опозорил семью. А другая сестра у нас совсем больная". Вот она и попросила, чтобы пошел я. Ну, а я ведь интересуюсь молодым человеком. Он служил у нас младшим клерком, мы с ним были в одном приходе, так что мне не хотелось отказывать. А вам я хочу сказать вот что: мне кажется, он чувствует себя здесь одиноким.

Начальник. Не удивительно.

Коксон. Мне не выкинуть этого из головы. Я вижу, что многие здесь работают вместе.

Начальник. Это наши собственные заключенные, а те, кто осужден на каторжные работы, отбывают здесь три месяца в одиночном заключении, сэр.

Коксон. Но ведь надо же считаться с обстоятельствами. Он совершенно подавлен. Моя просьба к вам - разрешить ему встречаться с другими.

Начальник (несколько развлеченный этой суетой). Будьте любезны, Миллер, позвоните. (Коксону.) Может быть, вам интересно послушать, что скажет о нем тюремный врач?

Священник (звонит). Вы, по-видимому, не привыкли бывать в тюрьмах, сэр?

Коксон. Нет. Но это такая печальная картина! А он совсем молодой человек. Я сказал ему: "Не пройдет и месяца, как вы выйдете из одиночки и окажетесь среди людей, это будет для вас такая приятная перемена!" А он отвечает: "Целый месяц!" "Ну, ну, - говорю я, - не надо унывать. Что такое месяц? Чепуха!" А он говорит: "Один день здесь, в этой камере, когда сидишь под замком и все думаешь и тоскуешь, тянется дольше, чем год на воле. Я ничего не могу поделывать! - говорит он. - Я стараюсь держать себя в руках, но такой уж я человек, мистер Коксон!" Тут он закрыл лицо рукой, и, сквозь его пальцы покатались слезы. Так тяжело было смотреть...

Священник. Это молодой человек с большими, немного странными глазами, не так ли? Кажется, не англиканской церкви?

Коксон. Совершенно верно.

Священник. Я его знаю.

Начальник (вошедшему Вудеру). Скажите доктору, что я очень прошу его зайти сюда на минуту.

Вудер отдает честь и выходит.

Он ведь как будто не женат?

Коксон. Нет. (Доверительно.) Но есть женщина, которой он очень предан. Не совсем-то там все благополучно. Это печальная история.

Священник. Если бы не вино и не женщины, сэр, все тюрьмы можно было бы закрыть!

Коксон (глядя на священника поверх очков). Д-да, но об этом я хотел бы поговорить с вами особо. Он надеялся, что ей разрешат прийти сюда и навестить его, но ей не разрешили. Конечно, он расспрашивал меня про нее. Я старался говорить как можно

осторожнее, но я не мог лгать бедняге, когда он сидит здесь, это было бы все равно, что ударить его. Боюсь, что мои слова еще больше расстроили его.

Начальник. Какие же новости вы ему сообщили?

Коксон. Дело вот в чем. Муж этой женщины - грубый и злой человек, и она ушла от него. По правде говоря, она собиралась уехать с нашим молодым другом. Конечно, это дурно, но я уж им прощаю. Так вот, когда его посадили, она сказала, что будет сама зарабатывать себе на жизнь и ждать его возвращения. Это; было для него большим утешением. Но через месяц она! пришла ко мне, - хотя лично я с ней не знаком, - и говорит: "Я не могу заработать столько, чтобы прокормить детей. Мне и на себя не заработать. Я совсем; одна, у меня нет друзей, я должна от всех прятаться, чтобы муж не узнал, где я. Я совсем извелась!" И вправду, она очень похудела. "Мне, говорит, - придется идти в работный дом". Очень печальная история. А я ей и говорю: "Нет, только не это! У меня у самого жена и дети, я не богат, но лучше уж я поделюсь с вами чем могу, только бы вы не шли в работный дом". А она, славная женщина, отвечает на это: "Право же, я не могу брать у вас деньги. Я думаю, лучше уж мне вернуться к мужу!" Ну, я знаю, что он негодяй, пьяница притом, но не мог же я отговаривать ее.

Священник. Конечно, нет.

Коксон. Д-да. А вот теперь я жалею. Это было страшным ударом для бедного юноши. И вот что я хочу вам сказать: ему дали три года каторги. Надо бы сделать так, чтобы ему было полегче!

Священник (проявляя признаки нетерпения). Вряд ли закон будет на вашей стороне.

Коксон. Я боюсь, что здесь, в одиночке, он наверняка помешается, а ведь этого, я полагаю, никто не хочет. Когда я у него был, он плакал. Неприятно видеть, когда мужчина плачет.

Священник. Они очень редко так распускаются.

Коксон (глядя на него, говорит с внезапной враждебностью). Я держу собак.

Священник. В самом деле?

Коксон. Д-да. И скажу вам: даже если б какая-нибудь из них искусала меня, я не запер бы ее одну и не держал под замком месяц за месяцем.

Священник. К сожалению, преступник не собака. Он наделен способностью сознавать, что хорошо, а что дурно.

Коксон. Но так вы навряд ли заставите его понять подобные вещи.

Священник. Мы, видимо, по-разному смотрим на это.

Коксон. Опять же, как с собаками. Если с собакой обращаться ласково, она будет готова для тебя на все, но если ее запереть одну, она озверевает.

Священник. Право, предоставьте судить о том, что хорошо для заключенных, тем, кто имеет больше опыта.

Коксон (упрямо). Я знаю этого молодого человека. Уже несколько лет я наблюдаю за ним. Он слабонервный, у него нет никакой закалки. Отец его умер от чахотки. И меня беспокоит его будущее. Если его будут держать здесь взаперти одного, где он даже кошки не увидит, это кончится для него плохо. Я спросил его: "Что вы чувствуете?" А он ответил: "Я не могу объяснить вам, мистер Коксон. Но иногда мне хочется биться головой об стенку!" Нехорошо это.

Пока Коксон говорит, входит тюремный врач. Это благообразный человек среднего роста, с живыми глазами. Он стоит, прислонившись к подоконнику.

Начальник. Этот джентльмен считает, что одиночное заключение плохо действует на арестанта "Ка-три-ноль-ноль-семь". Фолдер, знаете? Такой худощавый молодой человек. Что вы скажете, доктор Клементе?

Доктор. Ему не нравится сидеть в одиночке, но это не приносит ему никакого вреда.

Коксон. Но он сам мне говорил.

Доктор. Конечно, он будет это говорить, но ведь говорить можно все что угодно. Он даже не потерял в весе с тех пор, как попал сюда.

Коксон. Я говорю о его душевном состоянии.

Доктор. Пока что его душевное состояние вполне удовлетворительное. Он человек нервный, склонный к меланхолии. Никаких признаков чего-либо худшего я не замечаю. Я внимательно слежу за ним.

Коксон (растерявшись). Я очень рад, что вы так говорите.

Священник (более мягко и вкрадчиво). Именно во время одиночного заключения нам удастся оказать на них некоторое

влияние, сэр. Я говорю с точки зрения своего сана.

Коксон (в замешательстве оборачиваясь к начальнику тюрьмы). Мне не хочется быть назойливым, но я просто боюсь за него после той неприятной новости, которую я сообщил ему.

Начальник. Я непременно повидаю его сегодня.

Коксон. Очень вам признателен. Но только, может, если вы видите его каждый день, вам и не заметно.

Начальник (с некоторой резкостью). Если появятся какие-нибудь тревожные признаки, мне сейчас же доложат. У нас все предусмотрено. (Встает.)

Коксон (следуя за ходом своих мыслей). Конечно, чего не видишь, о том и не думаешь. Но я вот повидал его, и теперь у меня все время на сердце скребет.

Начальник. Мне кажется, что вы можете во всем положиться на нас, сэр.

Коксон (успокоенный, извиняющимся тоном). Я надеюсь, вы поймете меня. Я простой человек и никогда не выступал против властей. (Обращаясь к священнику.) Я никого не хотел обидеть. До свидания!

Когда он уходит, три представителя тюремной власти не смотрят друг на друга,

но на лице каждого из них свое, особое выражение.

Священник. Кажется, наш приятель думает, что тюрьма - это санаторий.

Коксон (внезапно возвращается, с виноватым видом). Еще два слова. Эта женщина... Вероятно, мне не следовало бы просить вас об этом, но, может быть, вы разрешите ему повидаться с ней. Это было бы такой радостью для них обоих! Он все время думает о ней. Конечно, она не жена ему, но они оба такие несчастные. Вы не можете сделать исключение?

Начальник (устало). Как вы сами изволили сказать, я не могу делать исключений. Никому не будет разрешено навещать его до тех пор, пока он не будет переведен в тюрьму для каторжных.

Коксон. Понятно. (Довольно холодно.) Простите, что побеспокоил вас. (Снова выходит.)

Священник (пожимая плечами). Вот уж действительно простая душа! Не пойти ли нам позавтракать, Клементс?

Он и доктор выходят, беседуя. Начальник тюрьмы со вздохом садится за свой стол и берет перо.

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Часть коридора первого яруса тюрьмы. Стены выкрашены зеленоватой краской, на высоте человеческого плеча тянется полоска темно-зеленого цвета. Выше этой полоски стены выбелены. Почерневший каменный пол. Дневной свет пробивается сквозь окно с толстой решеткой в конце коридора. Видны двери четырех камер. В каждой двери - круглый глазок с крышкой. Если отвести ее вверх, можно увидеть, что делается внутри камеры. На стене у каждой камеры висит квадратная дощечка с именем заключенного, его номером и дисциплинарными пометками. Вверху видны железные мостки второго и третьего ярусов. Надзиратель, бородатый человек в синей форме, переднике и со связкой

болтающихся ключей, выходит из камеры.

Надзиратель (с порога обращаясь в глубь камеры). Когда с этим покончишь, принесу еще.

О'Клири (его не видно. Говорит с ирландским акцентом). Да уж конечно, сэр-р!

Надзиратель (ему хочется поболтать). Ну, я думаю, все-таки лучше такая работа, чем никакой.

О'Клири. А вот это святая истина.

Слышно, как вдали захлопывают и запирают дверь.

Надзиратель (совсем другим, строгим голосом). Пошевеливайся с работой! (Закрывает дверь камеры и вытягивается в струнку.)

По коридору проходит начальник тюрьмы в сопровождении Вудера.

Начальник. Никаких происшествий?

Надзиратель (отдавая честь). "Ка-три-ноль-ноль-семь" (указывает на одну из камер) отстает с работой, сэр. Он сегодня не выполнит задания.

Начальник кивает головой и проходит к последней камере. Надзиратель уходит.

Начальник. А здесь наш специалист по пилам?

Достает из кармана пилку, в то время как Вудер распахивает дверь камеры. Виден заключенный Моуни, лежащий в шапке на кровати поперек камеры. Он вскакивает и останавливается посередине камеры. Это человек лет пятидесяти пяти, широкий в кости, с торчащими ушами, что делает его похожим на летучую

мышь, и злыми внимательными глазами стального цвета.

Вудер. Шапку долой!

Моуни снимает шапку.

Выйди сюда!

Моуни подходит к двери.

Начальник (делает ему знак, чтобы он вышел в коридор, и, показывая пилку, говорит с ним, как офицер с солдатом). Это что еще за фокусы, милейший?

Моуни молчит.

Ну?

Моуни. Просто так, время коротал.

Начальник (указывая внутрь камеры). Мало работы, а?

Моуни. При этой работе голова не занята.

Начальник (постукивая по пилке). Можно было придумать что-нибудь получше этого.

Моуни (угрюмо). А что тут придумаешь? Опять же сноровку надо сохранить на случай, когда выйду отсюда. Теперь мне поздно думать о чем-нибудь другом. (По мере того, как язык его развязывается, начинает говорить вежливо.) Вы же понимаете, сэр. Вот отсижу я свой срок, а через год или два попадусь опять. Но я не хочу осрамиться, когда буду на воле. Вы же гордитесь тем, что хорошо содержите тюрьму, ну, а у меня есть своя гордость. (Видя, что начальник тюрьмы слушает его с интересом, продолжает, указывая на пилку.) Я должен был делать что-нибудь такое. Никому от этого вреда не было. Я пять недель делал эту пилку, и она неплохо вышла. А теперь я, наверное, получу карцер или неделю на хлебе и воде. Вы тут ничего не можете поделать, сэр, я понимаю, я вполне вхожу в ваше положение.

Начальник. Послушайте-ка, Моуни, если я вам спущу на этот раз, вы мне дадите слово, что больше не будете делать ничего подобного? Подумайте! (Входит в камеру, идет в дальний ее конец, влезает на табурет и проверяет прутья оконной решетки. Возвращается.) Ну, как?

Моуни (который все это время раздумывал). Мне осталось еще шесть недель в одиночке. А сидеть и ничего не делать я не могу. Мне нужно чем-нибудь занять себя. Предложение вы мне сделали джентльменское, сэр, но слово я дать не могу. Не стану же я обманывать джентльмена. (Указывая на пилку.) Еще четыре часа работы, и дело было бы сделано!

Начальник. Да, а что потом? Вас бы поймали, вернули, наказали. Пять недель упорной работы, чтобы сделать пилку, а в конце концов карцер, и вы сидели бы там, пока вставят новую решетку. Стоит ли, Моуни?

Моуни (обозленно). Стоит, сэр!

Начальник (потирая рукой лоб). Ну что ж! Двое суток карцера на хлебе и воде!

Моуни. Благодарю вас, сэр. (Быстро поворачивается и, как зверь, проскальзывает в свою камеру.)

Начальник смотрит ему вслед и качает головой; в это время Вудер закрывает и запирает на замок дверь камеры.

Начальник. Откройте камеру Клинтона.

Вудер открывает дверь. Клинтон сидит на табурете у самой двери и чинит брюки. Это маленький, толстый, пожилой человек с коротко остриженной головой и маленькими, как тлеющие угольки, темными глазами за дымчатыми стеклами очков. Он поднимается и неподвижно стоит на пороге, вглядываясь в посетителей.

(Делая знак рукой, чтобы он вышел). Выйдите-ка сюда на минутку, Клинтон!

Клинтон с каким-то унылым спокойствием выходит в коридор, держа в руке иголку и нитку. Начальник делает знак Вудеру, который входит в камеру и

тщательно осматривает ее.

Как ваши глаза?

Клинтон. Не могу пожаловаться. Здесь не очень-то много солнца. (Делает движение головой, вытягивая шею.) Раз уж у нас зашел такой разговор, начальник, у меня есть просьба: прикажите парню в соседней камере вести себя потише.

Начальник. А что случилось? Я не люблю доносов, Клинтон.

Клинтон. Он не дает мне спать. Я и не знаю, кто это. (С презрением.) Наверное, из каторжных. Ему не место среди нас!

Начальник (спокойно). Совершенно верно, Клип-тон. Мы переведем его, когда освободится какая-нибудь камера.

Клинтон. Чуть свет он начинает ходить взад вперед, как дикий зверь. Я к этому не привык, меня это будит. И вечером тоже. Это несправедливо, начальник, раз уж на то пошел разговор. Сон - это для меня плавное, единственное утешение, можно сказать, и его никто не должен отнимать у меня.

Вудер выходит из камеры, и Клинтон, как будто вдруг погаснув, юрким

движением проскальзывает туда.

Вудер. Все в порядке, сэр. Начальник кивает. Вудер закрывает дверь и запирает ее на замок.

Начальник. Кто это колотил утром в дверь?

Вудер (направляясь к камере О'Клири). Вот этот, сэр, О'Клири. (Поднимает крышечку глазка и заглядывает в камеру.)

Начальник. Откройте!

Вудер распахивает дверь. О'Клири сидит за столиком у двери и как будто прислушивается. Он вскакивает и вытягивается на пороге. Это широколицый, скуластый человек средних лет. У него большой рот, тонкие губы, впалые щеки.

Вудер. Что это за шутки, О'Клири?

О'Клири. Шутки, ваша милость? Давненько я не слышал шуток!

Начальник. Зачем вы колотите в дверь?

О'Клири. Ах, вот вы о чем!

Начальник. Ведете себя, как баба!

О'Клири. За последние два месяца я и вправду стал бабой.

Начальник. Жалуетесь на что-нибудь?

О'Клири. Нет, сэр.

Начальник. Вы же не новичок, должны бы понимать!

О'Клири. Да, я уж через все прошел.

Начальник. Рядом с вами сидит мальчишка. Вы знаете, как это может на него подействовать.

О'Клири. На меня накатило, сэр. Не могу я всегда быть спокойным.

Начальник. С работой у вас все в порядке?

О'Клири (берет в руки тростниковый мат, который он плетет). Я это могу делать не глядя. Самая дрянная работа: тут и мышинных мозгов не требуется. (Рот у него начинает кривиться.) Это вот где во мне сидит. Хоть бы немного шума! Ну вот самую малость - мне бы сразу полегчало.

Начальник. Вы знаете не хуже моего, что, если бы вы работали в мастерских, вам тоже не разрешали бы болтать.

О'Клири (с многозначительным видом). Языком - нет!

Начальник. А как же?

О'Клири. Ну, там бы я все равно наговорился.

Начальник (улыбаясь). Ну, так не разговаривайте больше с помощью двери!

О'Клири. Не буду, сэр. У меня хватит ума не повторяться.

Начальник (поворачиваясь). Спокойной ночи!

О'Клири. Спокойной ночи, ваша честь! (Возвращается в камеру.)

Начальник закрывает дверь.

Начальник (глядя на дощечку с характеристикой). Ничего не могу поделывать: нравится мне этот пройдоха!

Вудер. Да, он душевный человек, сэр.

Начальник (указывая вдоль коридора). Попросите сюда доктора, мистер Вудер.

Вудер отдает честь и уходит по коридору. Начальник подходит к двери камеры Фолдера. Здоровой рукой он дотронулся было до глазка, но, так и не открыв его, качает головой и опускает руку. Потом, внимательно прочитав дощечку с характеристикой, открывает дверь камеры. Фолдер, который стоял, прислонясь к

двери, вскрикивает от неожиданности и чуть не падает вперед.

(Делая ему знак выйти из камеры.) Скажите мне, не пора ли вам успокоиться, Фолдер?

Фолдер (с трудом переводя дыхание). Да, сэр.

Начальник. Вы понимаете, о чем я говорю? Что толку биться головой о каменную стену?

Фолдер. Понимаю, сэр.

Начальник. Ну, так как же?

Фолдер. Я стараюсь, сэр.

Начальник. Вам не спится?

Фолдер. Сплю очень мало. Самое плохое время - от двух часов ночи до подъема.

Начальник. Почему?

Фолдер (губы его кривятся в подобие улыбки). Не знаю, сэр. Я всегда был нервным. (Внезапно ею точно прорвало.) Ночью все кажется таким огромным. У меня такое чувство, будто мне в жизни не выйти отсюда.

Начальник. Это все - воображение, мой друг. Возьмите себя в руки!

Фолдер (со столь же внезапной ноткой отчужденности). Да, придется!..

Начальник. Вы думали о всех остальных, которые сидят здесь?

Фолдер. Они привыкли.

Начальник. Но все они когда-то прошли через это впервые, как вы сейчас.

Фолдер. Да, сэр, я думаю, что со временем и я стану таким, как они.

Начальник (несколько оторопев от подобного ответа). Гм, да. Это зависит только от вас. Послушайте, подтянитесь, будьте умницей. Вы еще очень молоды. Человек может устроить свою жизнь, как он сам хочет.

Фолдер (задумчиво). Может быть, сэр.

Начальник. Возьмите себя в руки. Вы читаете что-нибудь?

Фолдер. Слова не доходят до меня. (Опуская голову.) Я знаю, это нехорошо, но я не могу не думать о том, что происходит на воле. Из своего окна я ничего не вижу.

Начальник. У вас был посетитель. Он сообщил вам что-нибудь неприятное?

Фолдер. Да.

Начальник. Вам не следует думать об этом.

Фолдер (оглядываясь на свою камеру). Как же я могу не думать, сэр?

Внезапно застывает, так как появляются Вудер и доктор. Начальник жестом

приказывает ему вернуться в камеру.

(Торопливо, вполголоса.) Мой разум в полном порядке, сэр. (Возвращается в камеру.)

Начальник (доктору). Пойдите, Клеметс, и осмотрите его.

Доктор входит в камеру. Начальник прикрывает за ним дверь и отходит к окну.

Вудер (следя за ним). Мне очень жаль, что вам так докучают, сэр. Вообще-то они всем вполне довольны.

Начальник (сухо). Вы так думаете?

Вудер. Да, сэр. По-моему, все это из-за рождественского праздника.

Начальник (про себя). Как странно!

Вудер. Прошу прощения, сэр?

Начальник. Рождество!.. (Отворачивается к окну.)

Вудер смотрит на него с некоторым беспокойством.

Вудер (внезапно). Вы думаете, мы недостаточно отметили праздник, сэр? Может быть, вы хотите что-нибудь добавить?

Начальник. Нет, не нужно, мистер Вудер.

Вудер. Слушаю, сэр.

Доктор выходит из камеры Фолдера, и начальник жестом подзывает его.

Начальник. Ну как?

Доктор. Трудно что-нибудь о нем сказать. Нервный, конечно.

Начальник. Есть ли основания подавать о нем рапорт? Скажите откровенно, доктор!

Доктор. Ну, разумеется, одиночка ему не так уж полезна, но то же самое я мог бы сказать об очень многих из них. Несомненно, в мастерских они чувствовали бы себя лучше.

Начальник. Вы хотите сказать, что и о других следовало бы доложить?

Доктор. По крайней мере, о десятке! Что касается этого молодого человека, одиночное заключение действует ему на нервы, но ничего ясно выраженного нет. Возьмите вот этого парня (указывает на камеру О'Клири) по-своему он страдает ничуть не меньше. Если бы я отступил от чисто внешних данных, я не знал бы, что думать. По совести говоря, сэр, я не знаю, как можно выделить его среди всех других. Он не потерял в весе. Зрение у него нормальное, пульс хороший, говорит здраво.

Начальник. Нет ли состояния подавленности?

Доктор (качая головой). Если вы хотите, я могу написать на него рапорт, но тогда уж мне придется доложить и о других.

Начальник. Понимаю. (Смотрит на камеру Фолдера.) Значит, бедняге придется потерпеть! (Говоря это, он рассеянно смотрит на Вудера.)

Вудер. Прошу прощения, сэр?

Не отвечая, начальник медлит, уставясь на него, потом поворачивается на

каблуках и уходит. Слышен звук, как будто бьют по металлу.

Начальник (останавливаясь). Мистер Вудер?

Вудер. Опять начали колотить в двери, сэр. Я так и думал, что это еще повторится. (Спешит вперед, обгоняя начальника тюрьмы, который медленно следует за ним.)

Занавес

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Камера Фолдера. Выбеленная комната в тринадцать футов длиной, семь - шириной и девять - высотой, со сводчатым потолком. Пол темный, кирпичный, лоснящийся. В задней стене камеры высоко расположенное окно из непрозрачного стекла, забранное решеткой. В окно вделан вентилятор. В середине противоположной стены узкая дверь. В углу свернутые матрац и постельные принадлежности (два одеяла, две простыни, покрывало). Над ними деревянная полочка, на ней в виде симметричной пирамидки лежат библия и несколько книжек религиозного содержания. Там же черная головная щетка, зубная щетка и кусок мыла. В другом углу поставленная стоймя деревянная койка. Под окном отдушина с темной крышкой, другая - над дверью. Работа Фолдера (рубашка, в которой он делает петли для пуговиц) висит на гвозде над деревянным столиком, на котором лежит открытый роман "Лорна Дун". В углу около двери небольшой квадратный экран из толстого стекла. Он скрывает вделанный в стену газовый рожок. В камере есть еще деревянный табурет, под которым

башмаков. Под окном поставлены в ряд три блестящие круглые жестянки. При быстро угасающем свете дня виден Фолдер. Без башмаков, в одних носках, он неподвижно стоит, наклонив голову к двери, и прислушивается. Потом бесшумно подходит ближе к двери, стоит, слушает жадно, напряженно, стремясь уловить что-нибудь, хотя

бы самый незначительный шум извне. Внезапно вздрогнув, выпрямляется, будто услышал что-то, и стоит, застыв. Затем с тяжелым вздохом направляется к своей работе и глядит на нее, опустив голову. Он делает стежок или два с видом человека, глубоко погруженного в скорбь, и каждый стежок как бы возвращает его к жизни из небытия. Немного погодя, вскакивает и начинает шагать взад вперед по камере, поворачивая голову из стороны в сторону, как зверь в клетке. Опять останавливается у двери, прислушивается и, приложив ладони с растопыренными пальцами к двери, прижимается лбом к железу. Затем медленно идет к окну, ведя пальцем по цветной полоске, которая тянется через всю стену. Остановившись под окном, снимает крышку с одной из жестянок и внимательно всматривается в нее, точно хочет найти себе товарища в своем отражении. Почти совсем стемнело. Вдруг он роняет крышку, и она с грохотом падает на пол - это единственный звук, который нарушил тишину. Фолдер пристально вглядывается в стену, где белеет в темноте висящая на гвозде рубашка; кажется, будто он видит там кого-то или что-то. Вдруг раздается резкий щелкающий звук: это в камере за стеклянным экраном включился свет. Теперь камера ярко освещена. Фолдер ловит

воздух. Откуда-то издалека начинает долетать звук, похожий на глухие удары по металлу. Фолдер отшатывается. Видно, что он не в силах выносить этот внезапный гул. А звуки все нарастают, точно к камере катится большая телега. Усиливающийся грохот постепенно как бы гипнотизирует Фолдера. Шаг за шагом он крадется к двери. Барабанный стук, переходя от камеры к камере, раздается все ближе. Руки Фолдера приходят в движение, точно душою он уже присоединился к этому концерту, а шум растет, и кажется, что он уже наполнил всю камеру. Внезапно Фолдер поднимает сжатые кулаки. Тяжело дыша, он

кидается на дверь и начинает бить по ней кулаками.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Два года спустя. Мартовское утро, без нескольких минут одиннадцать. Сцена опять изображает комнату Коксона. Все двери открыты. Суидл, у которого теперь уже пробиваются усики, убирает контору. Раскладывает бумаги на столе Коксона. Затем подходит к

умывальнику, поднимает крышку и рассматривает себя в зеркало. Пока он любуется собой, Руфь Ханиуил входит через дверь приемной и останавливается на пороге. За ее внешним спокойствием таятся возбуждение и

тревога.

Суидл (заметив ее, с шумом роняет крышку умывальника). А! Это вы?

Руфь. Да.

Суидл. Я здесь пока один. Наши с утра не очень-то торопятся сюда. А похоже, что уже два года мы не имели удовольствия видеть вас. (Неуверенно.) Что вы подельвали все это время?

Руфь (с горькой иронией). Жила!

Суидл (не без уважения). Если вы хотите видеть его (указывает на кресло Коксона), то он сейчас будет. Он никогда на много не опаздывает. (Деликатно.) Я надеюсь, ваш друг вернулся из загородной поездки. Кажется, его срок истек три месяца назад.

Руфь кивает.

Я был тогда ужасно огорчен. Если хотите знать мое мнение, хозяин сделал ошибку.

Руфь. Да, большую ошибку.

Суидл. Надо было дать ему загладить свою вину. И я считаю, что судья должен был отпустить его. Они забыли, что такое человеческая природа. Мы-то знаем!

Руфь ласково улыбается ему.

Навалятся на вас, точно целый воз кирпичей, раздавят в лепешку, а потом сами возмущаются, ежели вы не в силах встать на ноги. Знаю я их, навидался таких вещей на своем веку. (Качает головой, точно мудрый старик.) Да вот только на днях хозяин...

Тут через приемную входит Коксон, разругавшийся от резкого восточного

ветра. Он заметно поседел.

Коксон (снимая пальто и перчатки). Как, это вы! (Делает знак Суидлу, чтобы тот ушел, и закрывает дверь.) А я и не узнал вас! Да и верно, уже два года прошло. Хотите поговорить со мной? Могу уделить вам минутку. Садитесь. Детишки здоровы?

Руфь. Да. Но я теперь живу не там, где раньше.

Коксон (вопросительно глядя на нее). Надеюсь, дома у вас все наладилось?

Руфь. После всего, что было, я больше не могла оставаться с Ханиуилом.

Коксон. Но я надеюсь, что вы не сделали ничего опрометчивого? Мне было бы жаль, если бы вы поступили опрометчиво.

Руфь. Дети остались со мной.

Коксон (начиная понимать, что дела обстоят не так хорошо, как он надеялся). Ну, я рад, что повидал вас. Ну, как, вы еще не имели вестей от нашего юного друга с тех пор, как он вышел на свободу?

Руфь. Вчера я случайно встретила с ним.

Коксон. Надеюсь, он здоров?

Руфь (с внезапным озлоблением). Его нигде не берут на работу. На него страшно смотреть: кожа да кости.

Коксон (с подлинным участием). Боже мой, мне грустно это слышать! (Опять настораживаясь.) Разве ему не подыскали место, когда он отбыл свой срок?

Руфь. Он прослужил там только три недели. А потом они узнали все подробности - и...

Коксон. Право же, не знаю, чем я могу вам помочь. Мне так неприятно отказывать людям в чем-нибудь.

Руфь. Я не могу видеть его в таком состоянии.

Коксон (внимательно оглядывая ее. Весь ее облик отнюдь не говорит о бедности). Я знаю, что его родственники не очень-то беспокоятся о нем. Может быть, вы могли бы поддержать его, пока он не станет на ноги?

Руфь. Теперь - нет. Я могла бы раньше, но не теперь.

Коксон. Не понимаю.

Руфь (гордо). Я увидела его и... теперь не могу.

Коксон (смотрит на нее. Он встревожен). Я человек семейный и не хочу слышать ничего неприятного. Простите, я очень занят.

Руфь. Я уже давно поехала бы к своим родным в деревню, но они никак не могли примириться с тем, что я вышла за Ханиуила. Я никогда не была особенно рассудительной, мистер Коксон, но у меня есть своя гордость. Я ведь была совсем девочкой, когда вышла за него, ну, и воображала его замечательным человеком... Он коммивояжер и часто заезжал к нам на ферму.

Коксон (с сожалением). А я-то надеялся, что после нашей последней встречи у вас дела пошли лучше.

Руфь. Муж обращался со мной еще хуже, чем раньше. Ему не удалось сломить мою волю, но я потеряла здоровье. А потом он стал избивать детей... Этого я не могла вынести. Теперь я не пошла бы к нему, хотя бы он лежал при смерти!

Коксон (он мечется по комнате, точно увертываясь от потока лавы). Нельзя так выходить из себя! Нельзя!..

Руфь (с затаенной ненавистью). Человек, который может так себя вести... (Пауза.)

Коксон (заинтересованный против воли). Так вот, значит, как у вас все сложилось! Что же вы делали потом?

Руфь (пожимая плечами). Пробовала делать то же, что и тогда, когда в первый раз ушла от него: шила юбки... Грошовая работа! Но ничего лучшего я не могла найти, а зарабатывала я не больше десяти шиллингов в неделю, причем сама покупала нитки и трудилась весь день. Я никогда не ложилась раньше двенадцати. Выдержала девять месяцев. (Со злобой.) Но я не гожусь для такой жизни, я не создана для нее! Лучше бы я умерла, чем жить так!

Коксон. Дорогая моя! Грешно так говорить!

Руфь. К тому же дети голодали - они ведь привыкли питаться лучше. Потом мне все стало безразлично. Я была слишком измучена. (Замолкает.)

Коксон (не в силах сдержать любопытство). Ну, а что же потом? Вам что-нибудь подвернулось?

Руфь (со смехом). Потом подвернулся мой хозяин. С тех пор он часто подворачивался!

Коксон. Боже мой, ах, боже мой! Я никогда не сталкивался с такими вещами!

Руфь (угрюмо). Он обращался со мной хорошо. Но с этим покончено. (Внезапно у нее начинают дрожать губы, она закрывает их тыльной стороной руки.) Понимаете, я никогда не думала, что опять увижу его. Просто случайно я встретила его у Хайд-парка. Мы пошли в парк, сели, и он рассказал мне о себе. О мистер Коксон, помогите ему!

Коксон (сильно встревоженный). Значит, вы оба потеряли средства к существованию. Какое ужасное положение!

Руфь. Если бы только он мог вернуться сюда! Ведь здесь о нем все уже известно!

Коксон. Мы не можем допускать ничего, что бросало бы тень на фирму.

Руфь. Мне больше не к кому обратиться!

Коксон. Я поговорю с хозяевами, но не думаю, чтобы они взяли его при таких обстоятельствах. Едва ли они согласятся.

Руфь. Он пришел сюда со мной, он там, на улице. (Указывает в окно.)

Коксон (с достоинством). Ему не следовало приходить сюда, пока за ним не послали. (Смягчается, увидев выражение ее лица.) У нас как раз сейчас есть свободное место, но я ничего не могу обещать.

Руфь. Для него это было бы спасением.

Коксон. Я сделаю, что могу, но я не уверен в успехе. А теперь скажите ему, чтобы он не показывался здесь, пока я не выясню положение вещей. Оставьте ваш адрес. (Повторяет за ней.) Мулинггар-стрит, восемьдесят три? (Записывает на промокательной бумаге.) До свидания!

Руфь. Благодарю вас. (Направляется к двери, затем оборачивается, точно хочет еще что-то сказать, но передумывает и уходит.)

Коксон (вытирая лоб и голову большим белым платком). Ну и дела! (Просматривает бумаги и звонит.)

На звонок входит Суидл.

А что, этот молодой человек - Ричардс, он должен был прийти сегодня насчет места клерка?

Суидл. Да, сэр.

Коксон. Ну, ты не говори ему ничего определенного. Я пока не хочу его видеть.

Суидл. Что ж мне ему сказать, сэр?

Коксон (строго). Выдумай что-нибудь. Пошевели мозгами. Только совсем его не отваживай!

Суидл. Может, сказать ему, что у нас заболел кто-нибудь, сэр?

Коксон. Нет! Только не лги. Скажи, что меня нет сегодня на службе.

Суидл. Ладно, сэр. В общем, поводить его за нос?

Коксон. Вот именно. И вот еще что. Ты помнишь Фолдера? Возможно, что он заглянет ко мне. Обойдись с ним так, как хотел бы, чтобы он обошелся с тобой, будь ты на его месте.

Суидл. Конечно, сэр.

Коксон. Вот-вот! Никогда не бей лежащего. Это ни к чему. Лучше помоги ему подняться. Этим правилом я советую тебе пользоваться в жизни. Это самая правильная политика.

Суидл. Вы думаете, сэр, что хозяева опять возьмут его?

Коксон. Ничего не могу сказать. (Услышав, что кто-то вошел в приемную.) Кто там?

Суидл (подходит к двери и заглядывает в нее). Это Фолдер, сэр.

Коксон (рассерженно). Боже мой! Как это нехорошо с ее стороны! Скажи ему, чтобы он зашел попозже. Я не хочу...

Замолкает, так как Фолдер уже входит. Он худ, бледен, и кажется значительно старше, его глаза приняли еще более беспокойное выражение. Одежда очень

потрепана и болтается на нем. Суидл, приветливо кивнув ему, уходит.

Рад вас видеть. Вы немножко поторопились прийти. (Стараясь говорить непринужденно.) Вашу руку! А приятельница ваша кует железо, пока горячо. (Вытирает лоб.) Я ее не осуждаю, она очень волнуется.

Фолдер робко пожимает руку Коксону и бросает взгляд в сторону кабинета

хозяев.

Нет, их еще нет! Садитесь!

Фолдер садится в кресло у стола Коксона, на который положил шапку.

Ну, раз уж вы пришли, я хочу, чтобы вы рассказали мне немного о себе. (Смотрит на него поверх очков.) Как ваше здоровье?

Фолдер. Пока еще жив, мистер Коксон.

Коксон (рассеянно). Рад слышать. Теперь о деле. Я не хочу совершать ничего, выходящего за рамки обычного. Это не в моих привычках. Я человек простой и хочу, чтобы все шло гладко, как следует. Но я обещал вашей приятельнице поговорить с хозяевами, а я всегда держу слово.

Фолдер. Мне бы лишь подняться на ноги, мистер Коксон. За свой проступок я заплатил сторицей, поверьте мне! Этого никто не знает. Говорят, выходя из тюрьмы, я весил даже больше, чем когда попал туда. Но они не могли взвесить, ни что у меня здесь (дотрагивается до головы), ни что здесь (со странным смешком дотрагивается до сердца). До вчерашнего вечера я думал, что тут у меня вообще ничего не осталось.

Коксон (сочувственно). Неужто у вас развился порок сердца?

Фолдер. О! При осмотре перед выходом меня признали здоровым.

Коксон. И вам подыскали место, не так ли?

Фолдер. Да. У очень хороших людей, которые все обо мне знали и были очень добры ко мне. Мне казалось, что все пойдет на лад. Но как-то совершенно неожиданно другие клерки пронюхали обо мне... Я не мог этого вынести, мистер Коксон, просто не мог, сэр!

Коксон. Успокойтесь, мой друг, успокойтесь!

Фолдер. После этого у меня была еще одна небольшая работа, но там я удержался недолго.

Коксон. Почему?

Фолдер. Я не хочу вас обманывать, мистер Коксон. Понимаете, у меня такое чувство, будто я должен бороться с какой-то силой, обступившей меня со всех сторон. Мне этого не объяснить: я словно опутан сетью. Когда я прорываю ее в одном месте, она сейчас же вырастает в другом. Когда нужно было представить рекомендации, я поступил не совсем правильно. Но что мне было делать? Нужна была рекомендация, и все. И от этого я был в страхе, и я ушел. Должен сказать, что я... я теперь все время боюсь. (Опускает голову и с удрученным видом склоняется над столом.)

Коксон. Я вам сочувствую, поверьте мне! А ваши сестры ничего не хотят сделать для вас?

Фолдер. У одной чахотка. А другая...

Коксон. Д-да. Она говорила мне, что ее муж не совсем доволен вами.

Фолдер. Я пошел к ним и застал их за ужином. Сестра, я знаю, хотела поцеловать меня, но муж посмотрел на нее и спросил меня: "Зачем ты пришел?" Ну, я спрятал самолюбие в карман и ответил: "Разве ты не подашь мне руки, Джим? Сестренка подаст, это я знаю". А он мне на это: "Послушай-ка, все это очень хорошо, но давай

договоримся раз и навсегда. Я ждал, что ты придешь, и все решил. Я дам тебе двадцать пять фунтов. Забирай их и поезжай в Канаду". "Понимаю, - сказал я, - хороший способ отделаться от меня! Нет, спасибо. Держи при себе свои двадцать пять фунтов!" Вот что остается от дружбы после того, как побываешь там, где я был.

Коксон. Я понимаю вас. А у меня вы не возьмете те же двадцать пять фунтов? (Слегка волнуясь, так как Фолдер смотрит на него со странной улыбкой.) Не церемоньтесь. Я от чистого сердца.

Фолдер. Мне не разрешено уезжать из Англии.

Коксон. А, д-да! Ведь вас условно выпустили до срока. А поглядеть на вас, вы как будто сидели без конца!

Фолдер. На этой неделе я три ночи спал в парке. Рассвет там не такая уж поэзия. Но после того, как я встретил ее, сегодня я чувствую себя совсем другим человеком. Я часто думал о том, что мое чувство к ней - это лучшее, что есть во мне. Это что-то священное, и все же оно-то меня и погубило. Странно, не правда ли?

Коксон. Мы все очень жалели вас, поверьте мне.

Фолдер. Я в этом убедился, мистер Коксон. Меня все очень жалели. (Спокойно, но с горечью.) Но неудобно же иметь дело с преступником!

Коксон. Ну, ну, не надо обзывать так самого себя! Это ни к чему. Не теряйте своего достоинства.

Фолдер. Это легко, сэръ, когда вы ни от кого не зависите. А попробуйте-ка не терять достоинство в моем положении! Говорят, каждый получает по заслугам. Ну, так вот, я, кажется, получил с лихвой.

Коксон (косится на него поверх очков). Надеюсь, из вас там не сделали социалиста?

Фолдер вдруг замолкает, точно он мысленно углубился в свое прошлое. Потом

издает странный смех.

Нужно отдать должное суду и тюремному начальству: у них были наилучшие намерения, вы должны с этим согласиться. Уверяю вас, никто не хочет вам зла.

Фолдер. Я верю, что это так, мистер Коксон. Никто не хочет вам зла, и тем не менее вас топят. Это чувство... (Озирается вокруг с таким выражением, как будто видит что-то надвигающееся на него.) Жизнь

раздавит меня! (Говорит дальше, как о ком-то другом.) Раздавит, я знаю.

Коксон (он чрезвычайно встревожен). Ничего тут такого нет. Надо сделать над собой усилие и относиться ко всему спокойно. Вы знаете, я поминал вас в молитвах. А теперь предоставьте все это дело мне. Я пораскину умом и поговорю с хозяевами, когда они будут в хорошем настроении.

Он не успевает договорить, как входят хозяева фирмы.

(В сильном смущении, но стараясь разрядить напряженную атмосферу.) Я не ожидал вас так рано. А я тут беседовал с этим молодым человеком. Я думаю, вы его помните?

Джеймс (бросая на Фолдера суровый, пронизательный взгляд). Отлично помню. Как поживаете, Фолдер?

Уолтер (несколько смущенно протягивая руку). Я очень рад вас видеть, Фолдер.

Фолдер (к нему вернулось самообладание, и он пожимает руку Уолтеру). Благодарю вас, сэр.

Коксон. Позвольте сказать вам два слова, мистер Джеймс. (Фолдеру, указывая на комнату клерков.) Вы можете пройти на минуту туда. Вам эта комната знакома, а наш младший клерк сегодня не придет: у него прибавление семейства.

Фолдер неуверенно направляется в комнату клерков.

(Доверительно.) Я обязан рассказать вам все. Он глубоко раскаялся. Но от него все отворачиваются. И сегодня он, конечно, выпядит неважно. Он недоедает. Натошак нелегко сохранять бодрый вид.

Джеймс. Неужели он в таком тяжелом положении, Коксон?

Коксон. Я хотел попросить вас вот о чем: он получил хороший урок. Мы его знаем, и нам нужен клерк. Правда, один молодой человек просится на это место, но я не даю ему определенного ответа.

Джеймс. Каторжник в нашей конторе? Я вас не понимаю, Коксон.

Уолтер. "Колесница Правосудия..." Эти слова не выходят у меня из головы.

Джеймс. В этом деле мне не в чем себя упрекнуть. Чем он занимался после того, как вышел из тюрьмы?

Коксон. Работал в двух-трех местах, но не мог удержаться. Он стал мнительным - это естественно, - воображает, что все презирают

его.

Джеймс. Плохой признак! Не нравится мне этот молодчик и никогда не нравился, с самого начала. Весь его облик говорит о слабоволии.

Уолтер. Мне кажется, мы обязаны поддержать его.

Джеймс. Он сам во всем виноват.

Уолтер. В наше время теория полной ответственности за свои поступки несколько поколеблена.

Джеймс (довольно сухо). Ты все-таки убедишься, мой мальчик, что надежнее придерживаться этой теории.

Уолтер. Для себя - да, но только не в отношении других людей!..

Джеймс. Ну, ладно, я не хочу быть жестоким.

Коксон. Как хорошо, что вы так говорите! Ему все время мерещится что-то вокруг. (Разводит руками.) Это может кончиться плохо.

Джеймс. А что с той женщиной, которая была замешана в этом деле? Когда мы шли сюда, я видел на улице особу, чрезвычайно похожую на нее.

Коксон. Вот беда-то! Ну, я ничего не буду скрывать от вас... Да, он встретился с нею.

Джеймс. Она живет с мужем?

Коксон. Нет.

Джеймс. Тогда, я полагаю, она живет с Фолдером?

Коксон (делая отчаянные попытки сохранить создавшееся благоприятное настроение). Мне об этом ничего не известно. Это меня не касается.

Джеймс. Но нас это касается, если мы хотим принять его на службу, Коксон!

Коксон (с колебанием). Пожалуй, придется сказать вам: она уже была здесь сегодня.

Джеймс. Так я и думал! (Уолтеру.) Нет, дорогой, ничего не выйдет! Все это слишком грязно!

Коксон. Я понимаю, то и другое, взятое вместе, усложняет для вас вопрос.

Уолтер (неуверенно). Мне не совсем ясно, какое нам дело до его личной жизни.

Джеймс. Нет, нет! Он должен покончить с этим, иначе он не будет у нас работать.

Уолтер. Бедняга!

Коксон. Позвать его?

Джеймс кивает.

Думаю, я сумею образумить его.

Джеймс (сердито). Предоставьте это мне, Коксон!

Уолтер (Джеймсу, тихо, пока Коксон ходит за Фолдером). Все его будущее, может быть, зависит от того, как мы поступим, отец!

Фолдер входит. Он взял себя в руки, и лицо его спокойно.

Джеймс. Вот что, Фолдер! Мой сын и я хотим дать вам возможность стать на ноги, но я должен сказать вам две вещи. Во-первых, вам не следует приходить сюда с видом жертвы. Если вы в какой-нибудь мере считаете, что с вами поступили несправедливо, бросьте эту мысль. Нельзя играть с правилами нравственности и рассчитывать, что это вам сойдет с рук. Если общество не будет охранять себя, оно останется беззащитным. Чем скорее вы поймете это, тем лучше.

Фолдер. Это так, сэр, но разрешите мне сказать кое-что.

Джеймс. Да?

Фолдер. У меня было очень много времени, чтобы обдумать все это в тюрьме (замолкает).

Коксон (желая подбодрить его). Конечно, вы подумали об этом.

Фолдер. Разные там были люди. И я хочу вам сказать, сэр, что если бы с нами после нашего первого проступка поступили иначе, если бы кто-нибудь немножко позаботился о нас вместо того, чтобы сажать нас в тюрьму, то и четвертая часть никогда не попала бы туда.

Джеймс (качая головой). К сожалению, я в этом сильно сомневаюсь, Фолдер.

Фолдер (с невольной проступающей злобой). Но мне, сэр, это точно известно.

Джеймс. Не забывайте, друг мой, что вы сами все это затеяли.

Фолдер. Я не хотел сделать ничего дурного.

Джеймс. Может быть, но тем не менее сделали.

Фолдер (со всей, горечью пережитых им страданий). И за это меня вышибли из жизни! (Берет себя в руки.) Я хочу сказать, что теперь я уже совсем не тот, что раньше.

Джеймс. Это не очень-то утешительно для нас, Фолдер.

Коксон. Он просто не может как следует выразить свои мысли, мистер Джеймс.

Фолдер (отбрасывая осторожность под наплывом одолевающих его чувств). Я сказал то, что думаю, мистер Коксон!

Джеймс. А теперь вот что, Фолдер, бросьте все эти мысли и подумайте о своем будущем.

Фолдер (горячо). Хорошо, сэр, но вы не знаете, что такое тюрьма. Вот здесь она у меня! (Хватается за грудь.)

Коксон (Джеймсу, шепотом). Я говорил вам, что он голодает.

Уолтер. Мы понимаем вас, друг мой, но все это пройдет. Время милосердно.

Фолдер (лицо его дергается). Я надеюсь, сэр.

Джеймс (значительно мягче). Так вот, мой милый, все, что вам нужно сделать, это забыть свое прошлое и создать себе прочную репутацию. А это приводит меня ко второму вопросу. Речь идет о той женщине, которая была замешана в вашем деле. Видите ли, вам придется дать нам слово, что с этим покончено. У вас нет никакой надежды удержаться на прямом пути, если вы собираетесь начать новую жизнь, сохраняя такую связь.

Фолдер (испуганно переводя взгляд с одного из них на другого). Но, сэр... но, сэр... ведь все это время я думал только о ней. И она тоже - обо мне. И до вчерашнего вечера я не мог найти ее.

Во время этой и последующей сцены Коксон все более и более волнуется.

Джеймс. Это печально, Фолдер. Но вы сами должны понять, что такая фирма, как наша, не может на все закрывать глаза. Дайте нам это доказательство вашей готовности исправиться, и можете возвращаться на свое прежнее место в контору, но не иначе!

Фолдер (внимательно смотрит на Джеймса и затем говорит с внезапной решимостью). Не могу я отказаться от нее! Не могу! О сэр, у нее, кроме меня, никого нет. И она для меня - все.

Джеймс. Мне очень жаль, Фолдер, но я должен быть твердым. В конечном счете это послужит на пользу вам обоим. Такая связь ни к чему хорошему не приведет. Ведь она была причиной всех ваших несчастий.

Фолдер. Но, сэр, это означало бы, что я зря прошел через все страдания. Меня сломили, нервы мои пришли в ужасное состояние. Все это ради нее.

Джеймс. Успокойтесь. Если она хоть сколько-нибудь достойна названия женщины, она сама все поймет. Она не захочет дальше тянуть вас в пропасть. Если бы у вас была какая-нибудь надежда жениться на ней, тогда другое дело.

Фолдер. Я же не виноват, сэр, что она не может избавиться от этого человека. Она бы развелась с ним при малейшей возможности. В этом была вся беда с самого начала. (Взглянув на Уолтера.) Вот если бы кто-нибудь помог ей в этом!.. Я уверен, что теперь дело только в деньгах.

Коксон (вступает в разговор, в то время как Уолтер колеблется и собирается заговорить). Не думаю, чтобы нам следовало обсуждать сейчас этот вопрос. Это нас далеко заведет.

Фолдер (Уолтеру, умоляюще). С тех пор ее муж, наверное, дал ей достаточно поводов требовать развода. И ведь это он довел ее до того, что она вынуждена была уйти. Она может это доказать.

Уолтер. Я склонен сделать то, о чем вы просите, Фолдер, если это возможно.

Фолдер. О сэр. (Идет к окну и смотрит на улицу.)

Коксон (поспешно). Вы не обратили внимания на мои слова, мистер Уолтер, а у меня есть основания.

Фолдер (стоя у окна). Она на улице, сэр. Может быть, вы хотите поговорить с ней? Я могу позвать ее отсюда.

Уолтер колеблется и переводит взгляд с Джеймса на Коксона.

Джеймс (решительно кивая головой). Да, пусть она войдет.

Фолдер в окно делает Руфи знаки.

Коксон (тихим, взволнованным голосом говорит Джеймсу и Уолтеру). Нет, мистер Джеймс! Пока молодой человек отсутствовал, она вела себя не так, как следовало. Теперь ходатайство о разводе уже невозможно. И нам не к лицу давать советы, как обмануть закон.

Фолдер отходит от окна. Три его собеседника смотрят на него с молчаливым

сожалением.

Фолдер (инстинктивно чувствуя какую-то перемену, переводит взгляд с одного на другого). Между нами не было ничего такого, что

могло бы помешать ей требовать развода. То, что я сказал на суде, было правдой. А вчера мы только посидели в парке.

Через дверь приемной входит Суидл.

Коксон. В чем дело?

Суидл. Миссис Ханиуил.

Пауза.

Джеймс. Проведи ее сюда!

Руфь медленно входит и решительно становится рядом с Фолдером напротив трех других действующих лиц. Все молчат. Коксон оборачивается к своему столу, склоняясь над бумагами, словно тяжесть создавшегося положения вынуждает его

искать привычную колею.

(Сурово). Закрой дверь!

Суидл закрывает дверь.

Мы просили вас прийти сюда, потому что в интересующем нас деле есть факты, с которыми необходимо считаться. Насколько мне известно, вы только вчера снова встретились с Фолдером?

Руфь. Да, только вчера.

Джеймс. Он рассказал нам о себе, и мы ему очень сочувствуем. Я обещал принять его обратно на службу, если он начнет новую жизнь. (Внимательно глядит на Руфь.) Тут встает вопрос, который требует мужества, сударыня.

Руфь смотрит на Фолдера и начинает сплетать и расплетать пальцы, как бы

предчувствуя катастрофу.

Фолдер. Мистер Уолтер Хау был так добр, что обещал помочь тебе добиться развода.

Руфь, пораженная, быстро взглядывает на Джеймса и Уолтера.

Джеймс. Я думаю, что это неосуществимо, Фолдер.

Фолдер. Но как же, сэр!..

Джеймс (решительно). Так вот, миссис Ханиуил, вы хотите ему добра?

Руфь. Да, сэр, я люблю его! (С тоской смотрит на Фолдера.)

Джеймс. Значит, вы не захотите стоять на его пути, не так ли?

Руфь (слабым голосом). Я могла бы позаботиться о нем.

Джеймс. Лучший способ для вас позаботиться о нем - это расстаться с ним.

Фолдер. Ничто не заставит меня отказаться от тебя! Ты можешь получить развод. Ведь между нами ничего не было, правда?

Руфь (скорбно качает головой, не глядя на него). Нет.

Фолдер. Мы не будем встречаться, сэр, пока она не получит развода. Только помогите нам, и мы обещаем вам это.

Джеймс (Руфи). Вы ясно представляете себе дело, не так ли? И понимаете, что я имею в виду?

Руфь (почти шепотом). Да.

Коксон (про себя). Славная женщина!

Джеймс. Положение безвыходное.

Руфь. Я должна решать, сэр?

Джеймс (заставляя себя взглянуть на нее). Я предоставляю решать вам, сударыня. Его будущее в ваших руках.

Руфь (печально). Я хочу сделать так, чтобы ему было хорошо.

Джеймс (слегка осипшим голосом). Вот это правильно, это правильно!

Фолдер. Я не понимаю. Неужели ты откажешься от меня после всего? Тут что-то... кроется. (Делая движение в сторону Джеймса.) Сэр, я честью клянусь вам, что между нами ничего не было.

Джеймс. Я верю вам, Фолдер. Ну, дружок, будьте таким же мужественным, как она.

Фолдер. Вы только что соглашались помочь нам! (Пристально смотрит на Руфь, которая стоит не шевелясь. Его лицо искажается, а руки судорожно дрожат, он начинает догадываться о случившемся.) Что это? Неужели ты была...

Уолтер. Отец!

Джеймс (поспешно). Ну, хватит, хватит! Я предоставляю вам должность, Фолдер. Вы только оба не посвящайте меня в свою личную жизнь, вот и все.

Фолдер (будто не слышал этих слов Джеймса). Руфь?

Руфь смотрит на него. Фолдер закрывает лицо руками. Молчание.

Коксон (внезапно). Кто-то вошел. (Руфи.) Подите сюда! Побудьте одна, вам станет легче!

Он указывает ей на комнату клерков, а сам оглядывается в сторону приемной. Фолдер стоит неподвижно. Руфь робко протягивает ему руку. Фолдер отшатывается от этого прикосновения.

Руфь отворачивается и, подавленная, идет в комнату клерков. Фолдер делает резкое движение, спешит за ней и, когда она переступает порог, хватает ее за плечи. Коксон закрывает за ними

дверь.

Джеймс (указывая на приемную). Не пускайте, кто бы это ни был.

Суидл (открывает дверь приемной и говорит испуганно). Сыщик, сержант Уистер.

Входит сыщик и закрывает за собой дверь.

Уистер. Простите, что побеспокоил вас, сэр. У вас служил клерком молодой человек. Это было два с половиной года назад. Я еще арестовал его в этой самой комнате.

Джеймс. Так что же с ним?

Уистер. Я думал, что, может быть, вы сообщите мне, где он находится.

Неловкое молчание.

Коксон (приходя на помощь Джеймсу, приветливо). Мы же не ответственны за его действия, вам это известно.

Джеймс. Зачем он вам нужен?

Уистер. В этом месяце он не приходил на перерегистрацию.

Уолтер. Что это значит?

Уистер. Он освобожден до срока, который истечет еще через полгода.

Уолтер. И до тех пор он обязан являться в полицию?

Уистер. Мы должны знать, где он проводит каждую ночь. Осмелюсь сказать, что мы не трогали бы его, сэр, хотя он и не приходил на перерегистрацию. Но мы только что узнали, что вышло дело посерьезнее: он получил работу по подложной рекомендации. Принимая во внимание эти два обстоятельства, нам придется задержать его.

Снова пауза. Уолтер и Коксон украдкой следят за Джеймсом, который смотрит в

упор на сыщика.

Коксон (с нарочитой болтливостью). Мы сейчас очень заняты. Если бы вы были добры зайти в другой раз, может быть, мы могли бы что-нибудь сообщить вам.

Джеймс (решительно). Я слуга закона, но не люблю доносов. И доносчиком быть не могу. Если вам нужен этот молодой человек, ищите его сами, без нашей помощи. (В то время как он это говорит, его взгляд падает на лежащую на столе шапку Фолдера, и он меняется в лице.)

Уистер (заметив взгляд Джеймса, спокойно). Очень хорошо, сэр. Но я должен предупредить вас, что, нарушив условие досрочного освобождения, он остается каторжником, а укрытие каторжника...

Джеймс. Я никого не укрываю. А вам не следует приходить сюда и задавать вопросы, на которые я не обязан отвечать.

Уистер (сухо). В таком случае я больше не буду вас беспокоить, джентльмены.

Коксон. Очень жаль, что мы ничего не могли сообщить вам, но вы же нас понимаете? До свидания!

Уистер поворачивается, чтобы уйти, но направляется не к приемной, а к двери

в комнату клерков.

Другая дверь, другая дверь!..

Уистер открывает дверь комнаты клерков. Слышны голоса Руфи: "Я умоляю тебя!" и Фолдера: "Не могу!". Короткая пауза. Затем Руфь вскрикивает с испугом: "Кто это?" Уистер входит в комнату клерков. Трое оставшихся в ужасе

смотрят на дверь.

Уистер (изнутри). Отойдите, пожалуйста!

Он быстро входит, ведя Фолдера под руку. Фолдер бросает на трех мужчин

безжизненный взгляд.

Уолтер. Ради бога, отпустите его на этот раз!

Уистер. Я не могу взять на себя ответственность, сэр!

Фолдер (с жутким смехом отчаяния). Хорошо! (Оглянувшись на Руфь, высоко поднимает голову и, проходя через приемную, почти тащит Уистера за собой.)

Уолтер (с отчаянием). Он погиб! Теперь его будут преследовать до конца его дней!

У открытой входной двери виден Суидл, который с изумлением смотрит на лестницу. Слышны звуки шагов по каменным ступеням. Внезапно - глухой стук

падения и растерянное восклицание Уистера: "Бог мой!"

Джеймс. Что это?

Суидл бросается вперед. Дверь за ним захлопывается. Мертвая тишина.

Уолтер (быстро идет в комнату клерков). Эта женщина... Она сейчас упадет в обморок.

Он и Коксон выводят Руфь, почти потерявшую сознание, из комнаты клерков.

Коксон (машинально). Успокойтесь, милая, успокойтесь!

Уолтер. Есть у вас коньяк?

Коксон. Есть херес.

Уолтер. Дайте сюда. Поскорее! (Сажает Руфь в кресло, пододвинутое Джеймсом.)

Коксон (приносит вино). Вот он! Хороший, крепкий херес!

Они стараются влить ей вино сквозь стиснутые зубы. Слышны шаги. Джеймс, Уолтер и Коксон прислушиваются. Наружная дверь открывается. Видны Уистер и

Суидл, которые вносят в приемную что-то тяжелое.

Джеймс (бросаясь к ним). Что это?

Они кладут свою ношу на пол, так что ее не видно, и все, кроме Руфи,

собираются вокруг, говоря приглушенными голосами.

Уистер. Он прыгнул в пролет лестницы. Сломал себе шею.

Уолтер. Боже милостивый!

Уистер. Он, наверное, рехнулся, если думал улизнуть от меня таким образом. И чего ради? Посидел бы всего несколько месяцев!

Уолтер (с горечью). Только и всего?

Джеймс. Какой отчаянный поступок! (Изменившимся голосом.)

Беги за доктором, ну!

Суидл бросается из приемной на лестницу.

Скорую помощь!

Уистер выходит. Лицо Руфи выражает все нарастающий страх и ужас. Она не решается смотреть в сторону, откуда слышны голоса. Не вот она поднимается с

кресла и, крадучись, приближается к приемной.

Уолтер (внезапно обернувшись). Пропустите!

Трое мужчин расступаются, чтобы пропустить Руфь, и один за другим входят в

комнату Коксона. Руфь падает на колени возле тела Фолдера.

Руфь (шепотом). Что это? Он не дышит? (Склоняется над ним.)

Дорогой мой! Любимый!

На пороге наружной двери толпятся люди.

(Вскакивает на ноги.) Нет, нет! Нет! Он умер!

Люди отпрянули назад.

Коксон (тихо подходя к ней, говорит хриплым голосом).

Успокойтесь, бедняжка, успокойтесь, милая!

При звуке его голоса Руфь оборачивается и смотрит на него.

Теперь никто больше не тронет его. Никогда! Милосердный Иисус взял его к себе!

Руфь стоит, как каменная, глядя на Коксона, который смиренно склонился перед ней и протянул руку, как будто хочет приласкать ее, как ласкают бездомную

собаку.

Конец

1910 г.